

Таня Гроттер и колодец Посейдона

Автор:

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и колодец Посейдона

Дмитрий Емец

Таня Гроттер #9

Тибидохс продолжал жить, хотя это уже был не тот Тибидохс... Многим не хватало командных рыков Поклепа и рассеянного взгляда академика Сарданапала. Не хватало Ягге, без которой опустел магпункт. Не хватало сочного баса Тарараха и запуков великой Зуби. Вместо рыжеволосой Меди нежительство у младших курсов вела теперь Недолеченная Дама. А все потому, что преподаватели исчезли. В Тибидохсе не осталось ни одного взрослого мага. Это напрямую было связано с колодцем Посейдона. Несколько столетий он накапливал силы в глубинах Тартара, чтобы вновь выплеснуть их. И вот колодец проснулся... Теперь старшекурсникам предстояло все делать самим. Самим преподавать, самим следить за малышами, самим готовиться к матчу-реваншу с командой невидимок. И самим найти способ вернуть преподавателей...

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и колодец Посейдона

Глава 1

ШКОЛА В СКАРЕДО

Шурасик стоял перед зеркалом и, скрестив руки на груди, критически изучал свое отражение. Большая щель между передними зубами, бледное лицо, маленький подбородок, рассыпанные по щекам веснушки, похожие на гречневую шелуху, и дюжина прыщей, предательски пунцовевших на умном выпуклом лбу. Шестнадцать мальчишеских лет во всех своих неутешительных проявлениях. Шурасик так ненавидел свое отражение, что ему хотелось искушать стекло. Или даже разбить, растоптать... Порядок произвольный. Все по алфавиту или одновременно.

«Блин... как не совпадают мое внутреннее самоощущение и то, что я есть на самом деле! Какое-то хамское несоответствие! Измена! Ложь! Гадость!» – с омерзением размышлял Шурасик.

Отражение лупоглазо созерцало оригинал из глубин стеклянной вселенной. Оно явно глумилось, светофорно мигало прыщами и блестело красным носиком с расширенными сальными порами.

– Топало бы ты отсюда, убогое, а?! По-хорошему просят! – срывающимся от ненависти голосом попросил Шурасик и, выпустив искру, подкрепил просьбу коротким заклинанием Изыдис.

Искра – а это была классическая красная искра темного мага – неумолимо скользнула к стеклу. Оскорбленное отражение с достоинством передернуло узкими плечами, повернулось спиной и, покачивая сутулыми лопатками, зашаркало в зеркальные дали.

Шурасик бессильно погрозил двойнику кулаком и вернулся к столу. Между старомодной чернильницей и исписанным практически в ноль магическим карандашом малютки Клоппика лежала записка. Записку сегодня утром загадочно просунули под дверь. По листу бумаги, наспех выдранному из заурядной тетради, прыгали дразнящие буквы:

«О, МАРС МОИХ ГРЕЗ, ЗАКАТ МОЕГО РАЗУМА, КОШМАР ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА! ЖДУ ТЕБЯ В ЧАС НОЧИ У ФОНТАНА В ПАРКЕ!!!! ДРОЖУ И ПАДАЮ В ОБМОРО... (пуф, упала)!!!!!!

ТАИНСТВЕННАЯ ПОКЛОННИЦА».

Шурасик перечитал записку в тринадцатый раз и с сожалением обнаружил, что никаких проясняющих слов не появилось. По-прежнему было непонятно, от кого записка и стоит ли ее воспринимать всерьез.

«Существует вероятность, что это чья-то шутка... Но, с другой стороны, хм... А вдруг она придет, а я нет? Неловко получится», – утопая в сахарном сиропе мечты, подумал Шурасик. Его склонное к идиллиям неопытное воображение послушно нарисовало стройную девичью фигурку. Вот она приближается, вот черные глаза страстно гипнотизируют его, вот она кладет ему руки на плечи и...

Чья-то рука легла Шурасику на плечо. Отличник завопил. Как все мечтатели, он был разочарован слишком быстрым переходом от желаемого к действительному.

– Ты что, перегрелся? Выключи немедленно звук! – распорядился Жора.

Шурасик послушался. Он уже сообразил, что это Жикин, незаметно вошедший в его комнату. Всего лишь Жикин, которого Шурасик ставил в эволюционной иерархии выше морской свинки, но ниже верблюда.

– Как ты здесь оказался? – спросил Шурасик ледяным голосом. Однако подносить к Шурасику спичку в этот момент не рекомендовалось.

– Э-э... Как еще? Проверенным лопухоидным способом. Через дверь, – сказал Жикин.

– Разве она не была заговорена? – спросил Шурасик и почти сразу вспомнил, что забыл это сделать. – А что, постучать было нельзя?

– Стучать? Фи, как пошло! Стучат стукачи. Умные люди информируют общественность через телефон доверия, после чего тщательно вытирают уличный автомат одеколоном! – сказал Жикин, деловито оглядывая комнату.

Записка на столе не укрылась от его многоопытного взгляда.

– Тэк-с. Что у нас там? О, «жду у фонтана... обморок... поклонница!». Не сам написал, нет? Не обижайся, это я так, в порядке общего бреда!.. От кого это?

– Отдай! – потребовал Шурасик. Однако потребовал не слишком решительно. В глубине души он был не прочь получить от Жикина совет.

Жора поднес записку к носу и профессионально, как ищейка, обнюхал ее со всех сторон.

– Блин... Даже по запаху духов не могу определить, кто это! Никогда со мной такого не было... Признавайся, ты занимался в комнате зельеварением? Яд гарпий, пот хмыря, сальные волосы старых гномов?

– Ага. Вчера.

– Вот и я говорю. Если записка чем-то пахла, ты все заглушил своей химической вонью.

– А почерк ты такой знаешь? – с надеждой спросил Шурасик.

– Почерк... м-м... явно подвергнут заклинанию трансформации... Вот смотри, если я здесь за бумагу берусь, он такой, а если тут, то совсем другие буквы. Нет, это не первокурсница, точно. Раньше четвертого курса такие заклинания не проходят... Что там у нас еще? Ошибок нет, запятые на месте. Неважный симптом. Я бы предпочел по две ошибки в каждом слове.

– Почему это?

– Ну, милый мой!.. Сразу видно дилетанта! – всплеснул руками Жикин. – Сильно умные девчонки вечно грузят мозги себе и другим. И восклицательных знаков я бы предпочел поменьше. Много восклицательных знаков – первый признак истерички.

– Ты ничего не понимаешь! – оскорбился за незнакомку Шурасик.

– Да уж, конечно. Ничего я не понимаю. Я весь такой наивный, прям из бачка унитаза суп ем! Чок-чок-чок, я у мамы дурачок! – фыркнул Жора.

Он почесал нос, задумчиво пожевал губами и решительно предложил:

– Знаешь что, давай я пойду на свидание вместо тебя. У меня сегодня как раз окно. Я с этой таинственной поклонницей в десять минут разберусь. Я ей устрою закат разума!

Шурасик вспыхнул. «В кои-то веки получить записку, чтобы на свидание вместо меня отправился этот пошлый индюк и трогал жирными пальцами хрустальный кубок моей мечты!» – патетично подумал он.

– Только сунься! – сказал Шурасик, сцепив зубы. – Жикин, я тебя предупреждаю! Наткнушь на тебя ночью у фонтана, пожалеешь!

– И что же? По физиономии мне дашь? Ой, боюсь-боюсь-боюсь! Иди купи себе самоучитель, как сжимать кулак! – издевательски посоветовал Жикин.

– Мне кулак не нужен. Так сглажу – до смерти волосы на зубах расти будут! Никакая Ягге не поможет! – звенящим шепотом сказал Шурасик. По его перстню пробежала темная молния.

Он не угрожал – он сообщал, и неглупый в бытовых вопросах Жора ощутил разницу. Слова Шурасика не были блефом. Все в школе знали, что по части черной магии Шурасик не имеет себе равных. Пару раз в самых сложных случаях с ним консультировался сам Поклеп.

– Ладно-ладно, Шурасик! Ради нашей дружбы – все что угодно! Но с чего ты решил, что записка тебе? Она же не подписана! – уступил Жикин.

– Мне ее принес купидон! – двумя руками вцепившись в свое призрачное счастье, заявил Шурасик.

– То-то и оно, что купидон!.. Пухлые обжоры вечно ошибаются! Для этих пройдох с крылышками мы, маги, все на одно лицо, как эфиопские джинны. Мне вон позавчера, прикинь, доставили розы! Громаднейший букет! Сунул в окно сухофрукт с крылышками, развернулся и улетел, мелодично икая. Небось конфеты были с ликером, раз его так развезло! Я удивился, стал букет исследовать, а там, вообрази, записка. Прикольная такая: «Я тебя забыл, но розы

помнят. ГП». Я рыдаль! Я умираль от смейха ! Розы помнят, ха-ха! Может, еще и корзина помнит?

– Ты всегда читаешь чужие записки? – возмутился Шурасик.

Он понял, что его записка не была исключением.

– Бриллиантовый мой, откуда ж я знал, что она чужая? Если бы на конверте так и было написано: «чужая записка, строго не для Жикина», я б, конечно, воздержался, как честный человек. Ну минут пять хотя бы воздержался. А то ведь ни слова! Даже намек не было, что записка Таньке. Может, она Ритке Шито-Крыто или... хе-хе... Зубодерихе! Вообрази себе только такое: Пуппер и Зубодериха! Роковая парочка!

– С розами-то ты что сделал? – оборвал его Шурасик.

– Розы я своим девочкам раздарил. Девяносто девять роз и то, вообрази, не всем хватило. Я дико популярен в этом лягушатнике! – сладко потирая ручки, сказал Жикин.

– А Таньке ты ничего не сказал? – уточнил Шурасик.

– С какой стати я буду Гроттерше докладывать? Я ей что, «Последние магвости»? Хочешь все знать: купи себе дятла-почтальона или подпишись на «Сплетни и бредни»! – заявил Жикин.

Шурасик поковырял пальцем в раковине правого уха, удаляя из нее остатки ненужных слов. Жикин начинал ему надоедать. Он был какой-то мелкий, без полета. Жору нужно было прописывать в терапевтических дозах, в качестве примера жизненной пронырливости при отсутствии способностей – не более того.

– Ты зачем пришел, Жика? Про Пуппера поболтать? – спросил вдруг Шурасик.

Вся глумливость с лица Жоры мигом улетучилась.

– Да ну его, этого Пуппера! – отмахнулся он. – Слышал, что сегодня сказал Сарданапал? Скоро мы все должны будем пройти испытания Феофедула. Что он вообще за птица, этот Феофедул, ты в курсе?

– Не Феофедул, а Теофедулий! Теофедулий, один из учеников Древнира, вошел в историю как составитель универсального магического теста для выпускников школ чародейства. По результатам теста определяется магическая квалификация, уровень волшебных способностей и перспективы зачисления в магспирантуру. Это могут быть магспирантуры Тибидохса, Магфорда или любого другого учебного заведения, имеющие сходный магический профиль, – не задумываясь, выпалил Шурасик.

Выпалил и грустно подумал: «Ну что я за кладбище эрудиции? Разве так можно?»

Жикин торопливо придвинулся к Шурасику. В зеркале, которое недавно беспощадно пересмеивало тибидохского ботаника, отразился его точеный профиль.

– Слушай, э-э, Шурасик... Я всегда хорошо к тебе относился, был твоим единственным другом!

– Ты был моим другом? М-да... Короче, чего тебе надобно, старче?

– Ты не поможешь мне пройти тест этого идиота Теофедулия? Ответы там напишешь за меня, а?

Шурасик с насмешкой уставился на Жикина:

– Кто-то из нас двоих явно перегрелся! И этот кто-то не я!.. Думаешь, Теофедулий ничего не предусмотрел против списывания? Он усилил тест заклинанием множественности. Теперь оно имеет восемьсот только непосредственных воплощений, не считая воплощений Потусторонних Миров. Столько же воплощений в Аиде и Эдеме. Ну-с, какова вероятность того, что нам с тобой достанется один вариант?

– А вдруг повезет! Я в свою звезду верю, – нерешительно предположил Жикин.

– Допустим. Но все тесты раздаются на одновзглядной бумаге. Ты в курсе, что такое одновзглядная бумага? Для всех, кроме тебя, она будет казаться абсолютно чистой, хоть ты сожги ее с досады. Вопросы проявятся для проверки только после того, как к тесту будет приложен личный перстень Сарданапала. Ну и, разумеется, Зуби на всякий случай натянет десяток страховочных заклинаний. И Поклеп будет шастать между рядами... – сказал Шурасик.

С удовольствием садиста он наблюдал, как лицо Жикина скукоживается и приобретает клянчащее выражение профессионального нищего. Жикин кинулся к нему и принялся трясти его за майку.

– Шурасик, придумай что-нибудь, я умоляю! Если я не наберу достаточного балла, мне поставят в аттестате штамп условной магической пригодности. С ним меня ни на одну нормальную работу не возьмут! Только работать сутки через трое в пункте приема кувшинов из-под джиннов. По закону подлости такие пункты устраивают или в пустыне Сахара, или в Антарктиде. Или придется таскать чемоданы за какой-нибудь дремучей ведьмой, которая едет на Лысую Гору заказывать себе новый парик и самозахлопывающиеся алмазные челюсти! Ну сделай что-нибудь!

Шурасик назидательно воздел к потолку палец.

– Во-первых, убери щупальца! Во-вторых, помочь тебе невозможно. Теофедулий предусмотрел все, что только можно было предусмотреть. Во всяком случае, на тот момент, когда этот тест составлялся.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Жикин.

– Ну тесту уже много столетий. Магия с тех пор чуток усовершенствовалась, и если очень хорошо подумать...

– Подумай, Шурасик, прошу тебя!

– Ну что тут можно предпринять? Да ничего... Хотя чисто теоретически заклинание множественности можно перекрыть заклинанием усиления вероятности Кекуса Кровавого, которое он применил в битве магов у Волосатой Реки. Правда, для этого придется узнать, где именно ты будешь сидеть, и нарисовать внизу на столешнице семнадцать взаимосвязанных рун...

Одновзглядную бумагу можно провести... э-э... скажем, заблаговременным применением магии второй сущности.

– Второй сущности? – переспросил Жикин.

Шурасик сострадательно уставился на него.

– Что я слышу, Жика? Сдается мне, ты недостаточно внимательно читал труды Ферапонта Элегиуса III, известного также как Азиатский узник. Разумеется, трудов Ферапонта нет в школьной программе, они крайне занудны даже для меня, существуют в единственном свитке, и вообще создавались в седьмом веке, но не знать их непростительно!

– Я их знаю, только мне напрягаться влом! А что он такое накорябал, этот Ферапонт Элегиус?

Шурасик прищелкнул языком.

– Фу, какой ты прозаичный! Ты явно не догоняешь свободное парение моей мысли!.. История жизни Ферапонта крайне поучительна, друг мой Жика... Это был авантюрист, поэт и ученый. Три в одном, как пишут на лысегорских отвертках. В них, кроме часов, встроен датчик вампиризма, который глючит на вурдалаках и срабатывает на родную бабушку. Ферапонт отправился в Азию изучать секретные маготехники, разозлил бабаев, которые, собственно, и держали их под секретом, был схвачен и провел в темнице сто семьдесят два года, охраняемый пятью глухонемыми неподкупными стражами. Правда, потом оказалось, что вместо Ферапонта все эти годы – ха-ха! – в темнице просидел правитель бабаев султан Максуд. Ферапонт изыскал способ поменяться с ним телами и преспокойно изучал маготехники, находясь в чужом теле и совершая экскурсионные вылазки в султанский гарем. Узнав все, что ему надо было, он освободил свое прежнее тело особо изданным приказом, вновь переселился в него и благополучно скрылся. Позднее он написал труд, тот самый, Жика, тот самый...

– Про вторую сущность, что ли? – спросил Жикин. Его красивое лицо выразило блаженное недоумение идиота.

– Вот именно! – обвиняюще продолжал Шурасик. – Говоря упрощенным языком, магия второй сущности состоит в принятии дополнительной личности путем прохождения обряда раздвоения. Другими словами, ты переселяешься из тела в тело произвольно по собственному желанию, если владелец тела хотя бы раз – пусть даже случайно – даст тебе разрешение... При этом право выбора имеешь только ты. Другой, тот, кто дал разрешение, удовольствуется телом по умолчанию. Тем, что осталось. Понял?

– Ага! То есть ты сможешь проникнуть на время в мое дело, посмотреть моими глазами на одновзглядную бумагу, которая ничего не заподозрит, и решить за меня мой тест? – попытался уяснить Жикин.

– Умничка, Жорик! Я всегда подозревал, что ты гений!.. Только еще не факт, что я захочу переселяться в твое тело.

– Я тебя прошу, Шурасик! Все, что угодно! Я тебе всю жизнь помогал! – взмолился Жикин.

Шурасик прищурился и задумчиво повертел в пальцах карандашик, разглядывая прежде оставленные следы своих зубов.

– Ты помогал мне? Что-то я не припоминаю. Возможно, такое случилось в прошлом воплощении, когда ты был ослом, а я погонщиком ослов.

– Шу-у-урасик! Ну па-аче-ему ты та-акой! – артистически взвыл Жикин.

Шурасик встал во весь свой немалый рост.

– На колени! – велел он.

– Чего? – не понял Жикин.

– На колени! Бескорыстно пускай тебе светленькие маги помогают!

Жикин опустился на колени с такой стремительностью, словно ему подпилили ноги бензопилой.

– А теперь поможешь? Обменяешься со мной на экзамене телами? – спросил он с надеждой.

– М-м-м... Ну... возможно, что и помогу... – протянул Шурасик, задумчиво созерцая коленопреклоненного Жикина.

– Только это будет временный обмен! – быстро добавил Жикин.

– Само собой. На пять минут, и то с величайшим омерзением... И еще одно: когда окажешься в моем теле, не вздумай давить мои угри! Я этой чести никому не доверяю!

– Хорошо, клянусь, что не трону. И ты поклянись, что поможешь! – потребовал Жора.

– Предусмотрительный ты, Жикин, аж жуть! Прямо тиха украинская ночь, но сало лучше перепрятать, – протянул отличник.

– Ну поклянись! – продолжал ныть Жорик.

– Хорошо! Будут тебе санки, будет и свисток... Разрази громус! Клянусь, что тест ты сдашь! – четко и ясно произнес Шурасик.

Жикин поднялся с колен и деловито отряхнул брюки. Он слегка удивился, что Шурасик дал такую серьезную клятву, однако долго удивляться было не в его правилах. Он уже получил согласие, а больше ему от Шурасика ничего и не нужно было. И теперь Жикин хамел на глазах.

– Договорились! Свисти мне, когда надо будет проходить обряд! Пока, Шурочка! Спокойной тебе ночи в твоей грустной комнатке, заваленной книжечками! Будь хорошим мальчиком! Меняй подгузники!

Когда за Жорой закрылась дверь, Шурасик вновь вернулся к зеркалу. Вернув обиженное отражение, он посмотрел на свое бледное некрасивое лицо, на маленький подбородок, на оттопыренные уши и неожиданно расхохотался.

– Все-таки ты дурак, Жикин... Круглый дурак! – сказал он.

* * *

Около полуночи Шурасик тщательно оделся, почистил зубы и обувь и, поразмыслив немного, вылил на себя полфлакона мужской туалетной воды «Маленький мачо». Флакон был выписан полгода назад по каталогу с Лысой Горы, но до сих пор так и не опробован. Случая как-то не было. Хотя, если верить прилагаемому сертификату, одной капли туалетной воды (до, после, в процессе или вместо бритья) было достаточно, чтобы растопить самое холодное сердце. На этикетке мелким шрифтом значилось: «Осторожно! При превышении дозировки девушки мрут от любви, как мухи!» Однако, наученный горьким опытом, Шурасик не доверял рекламе и потому превысил дозировку раз в восемь.

Закончив все приготовления, он выскользнул в коридор и осторожно, стараясь не производить шума, стал пробираться через Жилой Этаж к лестнице. По обе стороны слева тянулись двери комнат. Тибидохс жил ночной, особенной жизнью.

Из комнаты Гуни Гломова доносились вопли, звон мечей и глухие страстные удары кулака в стену. Судя по мощи ударов, они были усилены Гломусом вломусом. Потом страшный бас произнес:

– Моя жизнь – длинный шрам, моя судьба – боль! Я давно готов умереть, а вот готов ли ты? Положи вилку, хмырь, и отойди от могилы!

Шурасик вздохнул. Он догадался, что Гуня настроил зудильник на лопухоидное телевидение, посмотрелся фильмов про вампиров и теперь обогащает свой тактический арсенал наездов и запугиваний.

– Не, так как-то фигово... Слишком длинно! – продолжал вслух рассуждать Гуня. – А если то же самое, но чуток в доброжелательном духе: «Не дразни меня, чувак! Я очень зол с того дня, как меня убили!» М-м-м... А че? Нормуль! А если так: «Чьи это хорошенькие глазки плавают у меня в чае? Чтааа-аа?!»

Хотя эти слова явно были обращены не к нему, Шурасику стало неуютно, и, покрутив пальцем у виска, он поспешно прошмыгнул дальше.

От двери Демьяна Горьянова пахло прокисшим молоком. Рядом с Демьяном вообще прокисало все подряд, а его доброжелательного взгляда опасался даже циклоп Пельменник. Тревожась, что его одеколон утратит волшебные свойства, Шурасик поспешно пробежал мимо горьяновской двери мелкой трусцой.

Семь-Пень-Дыр, живший по соседству, комкал во сне черную простыню и метался в банковском кошмаре, пытаясь извлечь годовой процент из нуля бубличных дырок, которые во сне называл «дурками». Процент упорно отказывался извлекаться, изводя жадного Дыра. Затем в кошмаре Пня явно что-то поменялось. Он спокойно повернулся на другой бок и спросил трезво и четко: «Теперь главное понять, какая из этих двух выдр настоящая?» После чего заснул уже без всяких сновидений.

Из комнаты Генки Бульонова доносилось непрерывное бормотание. Прислушавшись, Шурасик убедился, что Бульонов разучивает базовые заклинания элементарной магии, причем разучивает не без некоторых успехов. Изредка бормотание сопровождалось сухим потрескиванием кольца – это означало, что перстень искрой откликается на магию.

«Ударения не всегда правильно ставит! А вообще молодец, быстро наверстывает!» – снисходительно подумал Шурасик и тотчас раскаялся в своей снисходительности.

В комнате Бульонова что-то загрохотало. Немного левее головы Шурасика в двери возникло отверстие размером в кулак. Шурасик трусливо присел и ретировался.

– Нет, вы видели? Темный маг разучивает светлое заклинание Искрис фронтис, паля по казенной мебели, и где? В закрытом помещении! – пробормотал он.

На пересечении коридоров Шурасик едва не столкнулся с Лизой Зализиной, которая, помахивая зонтиком, назойливо прогуливалась у комнаты Ваньки Валялкина. Не заметив Шурасика, Зализина повернулась к двери и громко, явно не в первый уже раз, произнесла:

– Ты не мужчина, Валялкин! Ты мизер, размазня, пустое место! И не смей заговаривать дверь! Я хочу с тобой объясниться!

– Лизон, я спать хочу! Я уже двести раз тебе говорил: отстань! – жалобно откликнулся Ванька.

– Ты говоришь так потому, что не уверен в себе! Гроттерша задушит тебя своей серостью! У нее не жизнь, а сплошные неприятности! Открой мне дверь, я требую! Я не дам тебе погибнуть, я спасу тебя даже помимо твоей воли!

– Это ты так думаешь.

– Ты боишься меня, и я знаю почему! Ты духовный банкрот, опустошенная личность! Ты не хочешь слушать меня, потому что я голос твоей совести! Открой, скотина! – завывала Зализина.

– Лизон, сделай одолжение: выпей валерьянки и иди спать! – хладнокровно отвечал Валялкин.

Но Зализина не желала пить валерьянку. Она желала буяннить, стучать в дверь ручкой зонтика и спасти Ваньку от пошлого быта. Шурасик, которому она мешала пройти, вынужден был кашлянуть. Зализина оглянулась, замахнулась зонтиком и зашипела как кошка:

– Подслушиваешь? У тебя что, своей жизни нет?

– Есть, Зализина. Все у меня есть. Именно поэтому я и хочу пройти, – сказал Шурасик, по привычке к научному наблюдению констатируя, что туалетная вода «Маленький мачо» оставила Зализину совершенно равнодушной.

* * *

Темными путаными лестницами, следуя причудливым всплескам факелов, Шурасик выбрался из Тибидохса. Пельменник сидел у подъемного моста на деревянной чурке, ковыряя пальцем в зубах.

Заметив, что кто-то идет, циклоп потянулся было к секире, прислоненной к перилам, но поленился ее брать и ограничился тем, что, как шлагбаумом, загородил проход ногой.

– Ночью не положено! Личный приказ Сарданапала! – сказал он голосом, в котором так и звенело служебное рвение.

Шурасик молча сунул ему копченый окорок, которым заблаговременно запасся сразу после ужина.

– Ага! Дача взятки должностному лицу! Ссылка в копи к гномам до трех лет! Сейчас вызову дежурный караул! – воодушевился циклоп.

– Смотри, окорок заберу! – раздраженно сказал Шурасик.

Пельменник перестал буравить его единственным глазом и взял окорок.

– Совсем народ шутики перестал понимать!.. Слышь, ты там скажи ребятам, чтоб в другой раз пива приносили. А то на сушняк ничего не лезет, – зевнул он и убрал ногу.

Шурасик вышел в парк, примыкавший к пруду. Пруд стабильно пованивал тиной. Шумел камыш. Деревья гнулись. Ночка темная была. Короче, пейзаж. А пейзажи в приличных книжках принято или пропускать, или списывать у Тургенева, зная, что их все равно пропустят. В тине что-то странно булькало – то ли водяной гонял лягушек, то ли резвились русалки, которым днепровские омуты с их черными дырами-телепортами принесли утопшего водолаза. «Папа, папа, наши сети притащили мертвеца!» В лицо Шурасику подул ветер и коварно шепнул: «Май, ветер, любовь!»

– Я проинформирован, – буркнул Шурасик.

Вдоль темной, шевелящейся от ветра травы неторопливо текли куда-то поручик Ржевский и Недолеченная Дама.

– Нет, нет, нет и нет! Отстань! – отбрыкивался поручик.

– Ну не хочешь новый мундир – не надо! Носи хотя бы эполеты! – настаивала Дама.

– Нет!

– Ну, пупсик! Не упрямься!

– Сказано тебе: от-вянь!

– Хорошо. Не хочешь выглядеть достойно – будь всеобщим посмешищем. Тогда хотя бы не носи в спине эти пошлые ножики! Что за нелепый способ самоутверждаться? Ты уже взрослый мужчина! Образумься, Вольдемар! Не заставляй меня краснеть!

Чаша терпения поручика Ржевского, и без того крохотная, как водочная рюмка, окончательно переполнилась.

– А-а-а-а! Не называй меня Вольдемаром! Я тебя придушу! – завопил Ржевский и, кинувшись к жене, попытался вцепиться пальцами в ее призрачное горло. Разумеется, это ровным счетом ни к чему не привело.

Недолеченная Дама отнеслась к выходке поручика с полнейшим равнодушием. Она лишь покосилась на Шурасика и холодно сказала мужу:

– Стыдись, Вольдемар! Здесь посторонние! Оставь излишки своей внутренней культуры для узкого семейного круга!

Поручик обернулся, подплыл по воздуху к Шурасику и заговорщицки зашептал ему на ухо:

– Слышь, Шурасик, не в службу, а в дружбу! Век тебе ночью являться не буду!.. Дрыгни мою супругу, а?

– Чего?

– Ну, как ты не понимаешь? Запусти в нее дрыгусом ! А то она третьи сутки меня пилит! Пользуется тем, что ее даже придушить нельзя, летает и на мозги капает! Еще немного, и я просто испарюсь! Тибидохс осиротеет без моего шарма!

– Да ну... Неохота мне сейчас магию применять. Еще Поклеп засечет в саду искры и выскочит разбираться, – отказался Шурасик.

– Шурасик, пожалуйста! Никогда тебя больше не попрошу! Прямо до зарезу нужно! – Ржевский перестал шептать и тревожно взглянул на жену.

– ...туда, где никто не будет видеть позора, которым обременила меня жестокая судьба! Туда, где я смогу заточить себя в коконе одиночества и буду до конца вечности оплакивать выбор провидения, связавшего меня с ничтожеством! – закончила стенать Недолеченная Дама и вновь решительно направилась к супругу.

– Гад ты все-таки, Шурасик! Эгоистина проклятая! Никакой мужской солидарности! – прохрипел поручик.

Недолеченная Дама простерла к нему свои призрачные руки.

– А теперь, Вольдемар, мы с тобой объяснимся окончательно и бесповоротно. Или ты немедленно берешься за ум, или... Немедленно отплыви от этого пахнущего скунсами лопухоида! Что за привычка вмешивать в наши де...

– Дрыгус-брыгус!– крикнул Шурасик, выпуская красную искру из перстня.

Недолеченную Даму затянуло в магическую воронку. Ржевский ухитрился улепетнуть и, улюлюкая, скрылся в камышах. Из камышей донесся визг русалок. Неугомонный поручик принялся за прежние фокусы.

Шурасик направился к фонтану, расположенному в заброшенной части Тибидохского парка. Фонтан, некогда построенный магом, позднее отказавшимся от магических дарований и закончившим жизнь простым смертным, соответствовал строгим канонам Востока. Никакого изображения человека, никаких украшений и орнаментов, кроме растительных. Вода медленно, по капле в минуту, перетекала по семи причудливым бронзовым чашам-раковинам, пока не оказывалась внизу, в тихом бассейне с лилиями и кувшинками.

У забытого фонтана любили оплакивать свою щедрую на события судьбу призраки острова Буяна. Изредка из примыкавшей рощи, не отделенной от парка даже забором, сюда забредали корявые молчаливые лешаки и стояли, поскрипывая, глядя на воду. Пару лет назад здесь часто можно было встретить Великую Зуби. Зуби сидела на краю фонтана с книжкой в руках. Глаза ее то скользили по страницам, то останавливались на неподвижной воде бассейна, в которой купалось отражение лилий. Позднее дубоватый Готфрид Бульонский поубавил внутреннюю тягу Зуби к элегическому романтизму.

Ученики здесь бывали редко. Лишь раза три сюда приходила Лиза Зализина, рыдала строго по полчаса и целеустремленно отправлялась преследовать Ваньку Валялкина для решительного объяснения. Причем за каждым «решительным объяснением» с завидным постоянством следовали «самое решительное», «самое-самое решительное», «окончательное», «наиокончательнейшее», «последнее», «на этот раз действительно последнее» и так далее в духе дурной бесконечности.

Таня едва сдерживалась, чтобы не утопить Зализину в Тибидохском рву, отправив с ней приветственную телеграмму собачке Муму. Сдерживало ее только стойкое подозрение, что Зализина превратится в русалку и тогда слез, соплей и нервического хохота будет раз в сто пятьдесят больше. «Сплошная милюльщина!» – говорил иногда о русалках раздраженный Баб-Ягун.

И вот теперь записка завела сюда Шурасика. Он прокрался к фонтану с застенчивым и целеустремленным видом, как кот к детской песочнице. Еще издали он увидел тонкую фигуру в темном плаще с капюшоном, и сердце у него забилося в рваном ритме, то начиная колотиться как бешеное, то совсем останавливаясь.

«Кто бы это мог быть? Явно кто-то из своих. Чужих бы Грааль Гардарика не пропустила!» – задумался Шурасик, в смятении замирая в десятке шагов от девушки в плаще. В воздухе, поблескивая серебристыми искрами надежд, северным сиянием заискрила романтика, но увы...

Все началось как обычно и закончилось как всегда. Большая и светлая любовь отменилась по техническим причинам. Собака академика Павлова истекла слюной и скончалась, так и не получив от известного ученого заветного куска ветчины.

– О, а вот идет наше вышеизложенное и нижеуказанное! И, разумеется, опаздывает минут на семь с хвостиком, – приветствовала Шурасика девушка и... откинула с головы капюшон.

– Гробыня! – радостно и одновременно разочарованно воскликнул Шурасик.

С одной стороны, встречаться с великолепной Гробыней мечтала добрая треть старшеклассников Тибидохса. С другой... с другой – Шурасик был слишком умен, чтобы заблуждаться. Едва ли у Гробыни существовали на его счет серьезные планы. Скорее всего, Склеповой просто-напросто что-то было от него нужно.

И, как всякий неопытный, боящийся показаться смешным юноша, Шурасик прибег к низкоурожайному методу упреждающего хамства. Сделать больно первым, чтобы не сделали больно тебе.

– Ну и?... Зачем ты меня сюда пригласила, Склепова? – строго спросил он.

– И это все? Умиляюсь я таким свиданиям! Мало того, что девушка первой проявляет инициативу, ей еще и грубят! Конец света! Голову на грудь и то уронить некому! – возмутилась Гробыня, ничуть не сконфуженная такой бесцеремонностью.

Тибидохский ботаник вконец запутался и приуныл.

– Гробыня, чего тебе надо, а? Без дураков, а? – жалобно спросил он.

– Ничего мне не надо, а! Что мне может быть надо, а? – передразнила Склепова. – Вот ты скажи, а: почему меня вечно принимают за хамку, карьеристку и гадину? Это меня бесит! Разве я такая? Я мягкая в душе, как ангорский котенок! Меня только погладь, я растаю!.. Но-но, не по коленке!

– Я нечаянно, просто зацепил... – испуганно сказал Шурасик и быстро отодвинулся на безопасное расстояние.

– Да знаю, что нечаянно. Это-то и грустно, что нечаянно... – лениво произнесла Склепова. – Ладно, Шурочка, не бледней! Отбой воздушной тревоги! Я тебя не съем! Нынче мы с Пипой на диете. Отпиливаем от своего ужина по две калории в

день! У меня к тебе есть разговор. Су-урьезный, прям жуть!.. Ну что стоишь, как подставка для забора? Не маячь перед очами! Сядь на пенек, пожуй творожок!

Шурасик осторожно опустился рядом и стал терпеливо ждать серьезного разговора. Гробыня молчала и грызла ноготь. Шурасику становилось все тревожнее.

– Ну и?.. – нетерпеливо спросил он через некоторое время, так ничего и не дождавшись.

– Чего «ну и»?

– О чем ты хотела поговорить? Говори!

– А ты меня не понукай! Дай беспомощной девушке собраться с мыслями! – возмутилась Склепова.

Они помолчали еще с минуту. Гробыня закончила грызть ноготь и стала щелчками сбивать с края фонтана прошлогодние листья.

– Ну и? – снова спросил Шурасик.

– Если ты еще раз скажешь «ну и?», я тебя убью! – ласково, но очень серьезно предупредила Гробыня.

– Ну и как ты меня убьешь?

– Задушу! Или сглажу. Или вначале сглажу, потом задушу, затем оживлю, а потом еще раз сглажу... Примерно так, хотя возможны варианты... Отодвинься, Шурасик, я сейчас чихну! Ты чего, голову духами вымыл?

Шурасик виновато почесал щеку. Он был в смятении. «Туалетная вода дрянь!» – подумал он.

– Склепова, а Склепова! Зачем ты вообще устроила это свидание? Ты же знаешь, я зануда, – спросил он жалобно.

Гробыня зевнула.

– Да вы все, мужики, зануды, куда ни кинь... Думаешь, Гломов не зануда? Заиклился на спорте: бокс, жим, становая тяга. «А он меня... А я его!..» Прямо тошнит!.. Зато мириться с Гунечкой просто. Обидишь маленького, а потом бицепс ему пальцем потрогаешь, скажешь «ого-го», он вмиг растает, как Снегурочка на отдыхе в Турции... А Жикин? Самый большой зануда. Ему пока семь раз не скажешь, что он классно выглядит, не успокоится. А скажешь, Жорик мигом утешится, захихикает и, высоко подкидывая коленки, учешет на следующее свидание. Ты, Шурасик, еще терпимый вариант. Можно хотя бы не прислушиваться, что ты говоришь.

– Почему?

– Ну как почему? Ты треплешься всегда в режиме монолога и ответных реплик не требуешь.

– Спасибо. Буду знать, – сухо поблагодарил Шурасик. – А теперь или говори, что тебе надо, или я уйду.

Склепова зевнула и потрогала пальцем нижнюю бронзовую чашу фонтана, с которой как раз сорвалась тяжелая капля. Отражение луны в плоском бассейне дрогнуло.

– Ну и чего ты такой кислый? Просто между нами? Я девочка рассеянная. Я и своих секретов не помню, что уж о твоих говорить, – сказала она мягким и мирным голосом.

Шурасик быстро взглянул на нее. Ему давно надо было выговориться. Со Склеповой же он почему-то не смущался. Они были разные, как рыба и птица. А рыба и птица относятся к секретам друг друга вполне благожелательно. Хотя бы потому, что их не запоминают.

– Поднимаюсь я вчера в хозкомнату... – начал Шурасик. – Нужен был самостиральный таз, чтобы самому с носками не возиться... Захожу, а навстречу мне, из комнаты, незнакомый человек. Лицо все в буграх, на побитую дворнягу похож. Я отодвинулся, пропускаю его, и он, смотрю, отодвинулся. Я ни с места – и он ни с места. Я ж вижу... такой два часа стоять будет, но первый не пройдет.

Я ему ручкой, и он мне ручкой... «Ах ты, думаю, кисляй!» Шагаю к дверям, и он мне в ту же секунду навстречу... Веришь?

– Я знаю эту комнату. Там зеркало дурацкое... Ну отодвинул бы! – посоветовала Склепова.

Шурасик подался вперед.

– Ты знаешь про зеркало? Но неужели я и правда... на собаку побитую? А, ну и черт с ним!..

Склепова покровительственно похлопала его по плечу.

– Да ладно тебе, Шурасик! Бывают моменты, когда сталкиваешься с собой как с посторонним, с незнакомым. Эти-то минуты самые честные и есть... Думаешь, я сама себе сильно нравлюсь? Да ничего подобного! Один глаз у меня больше другого, лицо асимметричное. Ты разве не замечал никогда? Волосы не блеск. Нижние зубы кривовато растут, наползают друг на дружку... Надо было пластинку носить, но мы же девочки гордые!

– Ты серьезно? – почти с мистическим испугом спросил Шурасик.

– Думаешь, я стреляюсь из-за этой ерунды? Ничуть, я ношу свою внешность так, что все считают меня красавицей. Так-то вот... А Грызианка Припятская, думаешь, красавица? Выставь ее на конкурс красоты с обезьянами – выше третьего места ей сроду не дадут! И что же? У Грызианки есть шарм, а шарм больше красоты!.. Очнись, Шурасик!

Гробыня брызнула в Шурасика застоявшейся водой из фонтана. Он коснулся языком капель. Ощутил вкус тины и ряски. Гробыня продолжала:

– Или Гроттерша, между нами будет сказано. Что она, красавица? Ну волосы у нее хорошие, не спору. Зубы ничего, но не блеск. Ноги тоже, положим, не отваливаются, хотя, на мой вкус, джинсы могли быть и попрямее. Вот и все ее плюсы. Теперь минусы. Одевается как бомжиха. Нос – чистый интернационал. Ногти на пальцах грызет. Но при всем при том Пуппера завалила, как мамонта. Не хило, да? А все почему? Потому что Таньке плевать, что о ней думают другие.

Она абсолютно естественна. Вот и все дела...

Склепова вздохнула, посмотрела на сизые ночные тучи и деловито сказала:

– Ладно, Шурасик, ближе к телу. Дальнейшая философия только после опускания монетки в гадательный аппарат...

Шурасик рассеянно взглянул на нее. Он все еще осмыслял слова Гробыни, пытаюсь препарировать все сейчас услышанное с точки зрения логики. Он ощутил вдруг, что Склепова намного мудрее его в человеческих отношениях и глаз у нее куда как зорче. «Моя стихия книги. Мертвые опосредованные знания. В бытовых вещах я разве что на ступеньку опережаю банального дауна», – с грустью подумал Шурасик.

– А? – переспросил он, заметив, что Склепова выжидательно уставилась на него.

– ...и Б сидели на трубе! Говорю, все, что я несла, – это так, речевые упражнения. Типа сам себе логопед. А теперь слухай сюды, тетя Шура, и не урони слуховой аппарат! Сегодня я узнала кое-что странное, вконец запуталась и решила получить халявную консультацию умняшки.

– Мою? – уточнил Шурасик.

– Ясный перец! Других умняшек в нашей кондовой психушке не наблюдается... Сегодня у меня сорвалось днем свидание, и я заскочила в читалку полистать «Сплетни и бредни». Обожаю истории чужого успеха. Была дура-дурой, сопли на кулак мотала, глазки в кучку, языком пол подметала, а потом – хлоп! – и в дамках!.. Может, думаю, и мне за Шейха Спирю замуж выскочить? Личный ковер-самолет, нефть и чемоданы бриллиантов. Вот только тошнот Спиря страшный, и зубы у него, как у лошади... В общем, листала я журнальчики, мне надоело, и я решила побродить между стеллажами. Зашла вначале в свободный доступ, а потом отправилась к запретным полкам...

– Неужели Абдулла разрешил? – ревниво спросил Шурасик. Он был убежден, что право бродить, где вздумается, кроме преподавателей, имеет только он один.

– Разрешил? – подняла брови Гробыня. – Проснись и пой, лапа! По пятницам у Абдуллы литературная тусовка. Он дюжинами вызывает умерших поэтов, чтобы было кому завывать рифмованные проклятия. Поэты отплеваются, но на тусняк заявляются с завидным постоянством.

– Думаешь, я не знаю про тусовки! Однажды я даже зачитывал там свою курсовую. Им всем ужасно понравилось. Абдулла сказал, что даже понял некоторые слова, – с гордостью проговорил Шурасик.

– Хм... В общем, я забрела в закрытый доступ и стала искать книжечки про вирусную любовную магию. Вот бы, думаю, весь мир в меня влюбился! А тут – фук! – слышу голос. Угадай чей? Поклепа! Ты сам знаешь, Шурасик, я девушка скромная, мне Гроттерша с Пипой и так все нервы испортили, и лишних истерик на голову не надо. Я нырнула за стеллаж и затаилась. Вначале только Поклеп говорил, потом кто-то стал ему отвечать. Я слышу, что это Безглазый Ужас! Остановились от меня – рукой дотянуться. Я затаилась, почти не дышу, только шепчу про себя заклинание временной невидимости, чтоб не засекли...

– И о чем они говорили? – нетерпеливо спросил Шурасик.

Гробыня извлекла зудильник и стала быстро водить пальцем по поцарапанному дну, вычерчивая руны.

– А вот... Я же хитрая девочка!.. Я все записала! Как говорят лопухойды, самый дешевый подслушивающий аппарат лучше самой хорошей памяти!..

На дне миски в сетке царапин появились стеллажи с книгами. Долгое время Шурасик, кроме книг, ничего не различал, и, поняв это, Склепова ткнула длинным ногтем в угол экрана.

– А ты чего ждал? Широкоформатного кино? Я зудильник смогла только боком просунуть.

Шурасик увидел Поклепа и Безглазого Ужаса. Ужас парил в полуметре от пола в заляпанной кровью рубаше, мертвенно-неподвижный и отрешенный. Лишь пустые глазницы пылали сосредоточенной яростью.

– Иногда я бываю крайне умной. Со звездами гениальности, сияющими на небосклоне яркой судьбы. Все, слюшай, дорогой! – уточнила Склепова и усилила звук.

– Недавно что приплыли водяные. Крышку нашли на океанском дне далеко от острова, – услышал Шурасик голос Поклепа.

– Это еще только первый знак, – отвечал Ужас.

– Вероятно, стражам и Мефодию Буслаеву на это и наплевать, но только не нам... Наш магический мир зависим от такого рода событий!.. Пока я не говорил об этом даже Сарданапалу, но скрывать дольше невозможно, – продолжал Поклеп.

– Но это лишь крышка...

– Крышка? Ничего себе крышка! Мраморная плита весом в пять тонн! Ее отбросило в океан и раскололо на три или четыре части! Все защитные руны повреждены или уничтожены! Наша магия больше не контролирует ЕГО! – взвизгнул Поклеп.

Безглазый Ужас ухмыльнулся.

– Ваша магия и раньше не слишком с ним справлялась. Что для НЕГО ваша дюжина рун? Все равно что опутать спящего слона ниткой и говорить, что он связан. Когда же нитка лопнет, кричать: «Караул! Волшебство бессильно!» Возможно, слон просто случайно шевельнулся во сне.

– Он шевельнулся, но он может и проснуться! Надеюсь, ты не забыл, что случилось с магической школой в Скаредо? – напомнил Поклеп.

Глазницы Ужаса полыхнули холодным огнем.

– Можешь не рассказывать мне про Скаредо, маг. Я прожил в этой школе не меньше века, и все происходившее в ее худшие часы и дни происходило на моих глазах... Когда школа в Скаредо опустела и там не осталось никого, кроме нас, призраков, и горстки трепещущей от ужаса нежити, мне пришлось перебираться

в Тибидохс. Я не бежал с корабля, я не крыса. Просто корабля не стало. Признаться, после Скаредо, с его ренессансным великолепием, Тибидохс первое время казался мне совсем убогим и провинциальным.

– Тогда не тебе объяснять, что может произойти. Тибидохс – вторая по удаленности магическая школа от ТОГО места. Первой была школа в Скаредо... – сказал Поклеп.

Безглазый Ужас пожал плечами, погружаясь в бездны апатии. До полнолуния, когда он был склонен звенеть цепями и растекаться мыслями по кирпичной стене, оставалось еще добрых две недели.

– Что ж, все может быть... В любом случае, разбитая крышка – это лишь первый знак. Вскоре должен быть еще один... И вот тогда сомнений, что ОН пробудился, действительно не останется. Пока бы я советовал разогнать всех учеников по домам и разъехаться самим, – философски заметил он.

Завуч всполошился.

– Разогнать учеников? Ни в коем случае! Если на Лысой Горе о чем-то пронюхают, нашу школу просто закроют. И никогда потом уже не откроют. Я этих перестраховщиков знаю. Им только дай что-то закрыть или запретить.

– Что да, то да. Да только Лысая Гора это еще полбеды. Вторые полбеды – Магщество, которое имеет на нас зубик размером с великовозрастного циклопа, – согласился призрак.

– Именно поэтому я и хочу, чтобы ты... – Поклеп оглянулся, наклонился к призрачному уху Ужаса и что-то быстро зашептал. – Только чтоб ни одна живая душа... – предупредил завуч.

Безглазый Ужас усмехнулся.

– Ты циник, Поклеп! Кто же говорит о живой душе в присутствии призрака?.. И вообще то, о чем ты просишь, рискованно.

– Не для тебя. Второй раз умереть нельзя!

– Смотря что считать смертью. Если потерю тела, то мне терять нечего. Однако если меня втянет внутрь, то Тартар распылит мою сущность, – возразил Ужас.

– В прошлый раз же тебя не втянуло?

– Мне хватило ума не заглядывать туда, хотя я и ощущал сильное притяжение. Это как воронка или речной омут. Чаше он втягивает во сне... Во всяком случае тех, в Скаредо, он втянул ночью, под утро... Хорошо, Поклеп, я сделаю это, и будь что будет! – Безглазый Ужас вскинул руки и безо всякого усилия, как штопор, ввинтился в пол.

Склепова смахнула с зудильника остатки изображения и небрежно спрятала его в свой увешанный фенечками рюкзак.

– Кина больше не будет! Подбирайте ваш мусор и марш из зала! – заявила она.

– Как конец? А что, больше на твоём зудильнике ничего не записано? – с сожалением спросил Шурасик.

– Там много чего записано, но ты ещё маленький, чтобы это смотреть, – с вызовом сказала Склепова.

Шурасик тревожно покосился на Гробыню.

– Ты все слышал? А теперь скажи мне, что там такого произошло в школе в Скаредо, что наш миленький Клепа забыл про Милюлю и трясется как осиновый лист? Просвети меня, темную, пока мое любопытство не слопало меня без гарнира, – продолжала Склепова.

Шурасик наморщил лоб, сгребая в кучку все скопившиеся в голове сведения по данному вопросу.

– Эмю-эээ... Скаредо была одной из крупнейших магических школ Средневековья. В сущности, она имела статус академии. Среди ее выпускников было множество талантливых магов, одаренных философов, художников и известных авантюристов. А потом школа в Скаредо вдруг перестала существовать. Меня это, признаться, поразило, но я счел, что школу закрыли. Ну

там за преподавание некромагии, черную алхимию или магию вуду...

– Или она просто исчезла! Ты слышал, что сказал Безглазый Ужас?

– Я бы не слишком доверял его словам. На его месте я бы бережнее относился к своим мозгам. Удары головой о стену плохо влияют на общую логику суждений... Хотя, конечно, он призрак и многое может себе позволить, – резонно заметил Шурасик.

– А Поклеп? Он тоже, по-твоему, псих?

– Вот уж не знаю. Псих не псих, а назвать Поклепа нормальным язык не поворачивается. Но маг он неплохой. Что да, то да. Особенно хорош его леденящий взгляд. Пока я так и не придумал, как его заблокировать, хотя...

– Короче! Ты попытаешься что-нибудь узнать о школе в Скаредо? – перебила его Гробыня.

– Само собой. Мне не хотелось бы, чтобы с нашим старым Тибидохсом что-нибудь приключилось. Особенно когда я еще не получил на руки диплом о среднем магическом образовании... – заявил Шурасик.

Гробыня протянула руку и ободряюще провела по щеке Шурасика длинным ногтем.

– Ты у меня просто умничка! Когда что-нибудь узнаешь, немедленно принеси мне это на крылышках любви. Пока, Шурасик! Не скучай! И вот еще, вдогон нашему разговору, советик один... Желаеть?

– Ага... давай... – подумав, сказал Шурасик.

– Ты, Шурасик, по жизни хмурая интеллектуальная особь, эдакая бука, и с этим ничего уже не поделаешь. Не пытайся прикинуться, что ты не бука, не пытайся замаскироваться! Тебе же хуже будет. Напротив, усиливай свои недостатки! Закажи себе безобразные очки в тяжелой оправе! Говори еще непонятнее, смотри на людей диким взором, уходи посреди разговора, роняй чашки, выливай на клавиатуру чай и роняй яичницу, если будешь жить среди лопухоидов. Это и

будет твоим шармом. Лады?

– Лады, – кивнул Шурасик. Слова Склеповой больно резанули его.

Вскоре парк опустел. Лишь бледная, точно подвергнувшаяся атаке вампира, луна малокровно купалась в мраморном фонтане. Гоярын волновался в ангаре, временами издавая угрожающий рев. Он взмахивал хвостом, хлестал им по гудящему железу ангара и снова ревел.

Порой рев его менял окраску, наполняясь непонятной, жуткой тоской, древней как мир и неумолимой как угасание. Что-то тревожило дракона. Тревожило уже давно.

Глава 2

НОВОЕ КАК НИКОМУ НЕ НУЖНОЕ СТАРОЕ

Ночь, которую Шурасик провел у фонтана, Таня Гроттер просидела за письменным столом. Перед ней лежала открытая тетрадь. По тетради, изредка брезгливо окуная кончик в чернильницу, скользило хвостовое перо птицы Феникс, которую некогда ощипал сам Гэ-Пэ. Перо было удобным – его не нужно держать в руке, чтобы оно писало. Достаточно отслеживать перо взглядом, изредка переводя его на чернильницу. Таня, не удержавшись, изменила своим правилам и приняла подарок, подумав, что теперь у нее будет три хороших пера: одно – Финиста – Ясного сокола, другое – Ванькиной жар-птицы и третье – Гурочкиного Феникса.

Повинуясь взгляду, перо размашисто писало:

«Мне случается посреди ночи проснуться с одной, совершенно определенной мыслью. Мысль эта просветляет и озаряет меня. Будущее представляется понятным, определенным. Кажется, ухватишься за эту мысль – и воспаришь, оторвешься от житейской грязи, взлетишь, и так ясно становится тогда, так радостно!.. Что это, ангел-хранитель? Существует ли он у магов? Но наступает утро, и куда-куда все подевалось?..

Открытие сегодняшнего дня. Оказывается, как есть люди без башни, так есть люди прямо-таки с танковой башней. Конечно, я и раньше это подозревала, но вообще-то все довольно неожиданно. Танковая башня у моего – хотя он, конечно, свой собственный!!! – Ваньки Валялкина. Этот осел... – Таня виновато моргнула, и перо, спохватившись, ловко исправило «с» на «ч», а «л» на «н», – очень упрямый человек не желает идти в магспирантуру после окончания Тибидохса, хотя и имеет все шансы туда попасть. Этот доктор Айболит собирается заняться ветеринарной магией и лечить зверей, причем прямо сейчас, немедленно, не учась в магспирантуре. Он говорит, что у Тарараха вообще нет никакого образования, кроме академии жизни, как сам Тарарах ее называет.

«Замечательно, – говорю я Ваньке, – но вообще-то Тарарах не учился не потому, что не хотел, а потому, что в каменном веке с вузами вообще был напряг... Поступать же в высшее магическое заведение в пятьдесят тысяч лет не стал бы даже Ломоносов! Лечить зверей можно и после магспирантуры, только на другом уровне!» Но Ванька все равно упирается. Зачем, мол, ему мертвые теоретические знания, когда страдают кикиморы и оборотни в брянских лесах, а в сибирской тайге недавно был ранен разрывной пулей предпоследний в лопухоидном мире магический вепрь, и Тарарах с Зуби вылетали в ночь его лечить! Он, конечно, прав, тысячу раз прав, но все равно, если я получу образование, а он нет, то будет ли нам вообще о чем говорить в дальнейшем? Не случится ли так, что я вынуждена буду подстраиваться под Валялкина, выискивая несложные темы для беседы, которые он еще сумеет поддерживать. В общем, все плохо как-то...

Я все чаще вспоминаю Гробыню, которая говорит: «Расслабься и не решай за других! Если кто-то нас достоин, он сам разберется, что и как. А если нет – то тапки в зубы и шагом марш». Ах, Ванька, Ванька, как же ты не понимаешь, что я тебя люблю! Только не будь таким упрямым!

У меня есть ощущение, что человека, который начинает мыслить, кто-то ведет. Случайно подслушанный разговор, книга, упавшая с полки и открывшаяся на нужном месте, попавшийся на глаза рисунок. Нами словно руководит кто-то бесконечно мудрый. Может быть, мой отец Леопольд Гроттер, которого я видела лишь однажды, на матче? Уж точно не дед, который порой принимается скрипеть в моем перстне».

Таня отвернулась, и перо, потеряв контакт с ее взглядом, упало на бумагу, оставив маленькую кляксу. Таня вспомнила последнее письмо Пуппера – то

самое, к которому прилагалось перо. Письмо было довольно неприятное.

«My dear Таня! – писал в тот раз Гурий. – Я считаю свой долг информировать тебя, что ты биль важный страниц в моей жизни и остаться навсегда большой памятник в мой соул.

Теперь я встречаться с английский фотомодель русский происхождений Джейн Петушкофф. Она есть очень красивый и умный девушка с некоторый счет в банке и находится сердце в сердце с моими тетями. Мы с Джейн встречаться три раза в неделю – понедельник, суредда и фрайдей с двадцать вечера до двадцать один ноль-ноль, когда совпадать наш график. Мы иметь приятный разговор за чашечкой чай, и один раз даже ходить вместе в кино. Я не поняль, про что оно биль, потому что усталъ после тренировка и уснуль на плече у Джейн, но Джейн говорить, что кино биль про меня и меня там играль лопухоид в круглый очки, которых нет в моей коллекции.

В прошлый фрайдей Джейн кричать и обижаться на меня, потому что я все время говорить ей про тебя, my dear Таня. Я говорить ей, что больше не обожать и не скучать по тебя, и ты есть только один страниц моей юность, но говорить это два часа подряд, и Джейн очень раздражался, что она терять время своей личный жизнь. Она звонить по зудильник мой тетя Настурций и брать у нее консультаций. Это все биль большой истерия! Вечером тетя Настурций, самая добрая тетя, и их магвокат встречалься со мной, проводиль серьезный разговор и окончательно убедиль меня, что надо любить Джейн Петушкофф, который есть для меня прекрасный партий во всей смысл.

Прощай, Таня! Я посылатъ тебе перо птицы Феникс, чтобы ты изредка вспоминать обо мне. Директор моей школ Даун Фон Лабрадор (у него такой фамилий, потому что он немец) упаль в обморок, когда увидел, что я ощипал его любимый Феникс.

Когда-то твой Гурий Пуппер».

Таня перечитала письмо трижды. Она испытывала противоречивые чувства. С одной стороны, ей радостно было за Пуппера, что он наконец нашел себе кого-то, а с другой – ужасно хотелось сглазить эту идиотку Джейн Петушкофф.

«Лимита английская! Вылезла фиг знает откуда, всех локтями растолкала, а теперь по зудильнику теткам жалуется, мол, Гурий с ней обо мне разговаривает, дрянь такая! А о чем с тобой, debilкой, разговаривать, как не обо мне?» – раздраженно, грубо думала Таня, и тотчас ей становилось неловко, что она лезет в чужую жизнь и осмеливается плохо думать о людях, о которых ничего не знает.

«Нет, конечно, Пуппер мне не нужен, но почему этот дурак Ванька не хочет в магспирантуру? Он что, не понимает, что тогда он будет вынужден покинуть Тибидохс и мы с ним не увидимся целых три года!» – злилась она.

Конечно, знай Таня, что Пуппер уже после того прощального письма прислал ей букет роз и записку, возможно, ей стало бы легче. Однако Жикин, понятное дело, не собирался являться с повинной.

– Гроттерша, а Гроттерша! Чего ты там строчишь? Опять интриги плетешь? – сонно спросила с кровати Пипа.

За последний год дочь Дурневых порядочно вытянулась, приобрела кое-какие магические знания, но по-прежнему влезала в брюки, только прибегнув к пятому измерению.

– Завидно? – спросила Таня.

Пипа зевнула, продемонстрировав пасть таких размеров, в которой легко затерялся бы случайно влетевший воробей.

– Не-а, не сильно завидно. Я завтра с Семь-Пень-Дыром встречаюсь. Хотим на Лысую Гору смотаться. Там, говорят, в одном месте отличных фаршированных змей подают.

– Чего это Пень так расщедрился? Нашел горшок с зелеными мозолями? Ты же вроде с Жикиным встречалась? – удивилась Таня.

– С Жикиным-то? Очень мне нужен твой Жикин... Я у него как поезд, сто двадцатый дополнительный. Сиди у моря и жди погоды. Лучше уж с Дыром... Он хотя бы не бабник.

Таня пожала плечами.

– Зато Семь-Пень-Дыр жмот. У Гробыни спроси. Он тебе кофе купит, а потом будет три года пилить и проценты высчитывать.

Пипа хмыкнула.

– Шут с ним, с Дыром, если на то пошло. Скучный он... Вообрази, кто мне вчера сказал, что я хорошо выгляжу? Бульонов!

– Генка?

– Ага! Мялся полчаса, а потом как выпалил, отскочил и смылся куда-то... Вообще-то он ничего, только уж больно застенчивый. Хотя и папуля мой, говорят, застенчивый был... И вообще, Гроттерша, я сейчас буду спать и видеть сладкие сны, а ты слушай зудильник! Если моя мама позвонит – свистни. Она любит иногда по ночам звонить. Не соображает, что тут время другое.

– Тетя Нинель? Я с ней не разговариваю!

– Еще б тебя кто-то просил с ней разговаривать! Моя мамуля – жена повелителя В.А.М.П.И.Р., а ты кто такая? Говорят тебе: меня позови! А разговаривать с мамулей буду я! Мне тут кое-какие вещички понадобились! – сказала Пипа и уткнулась головой в подушку.

– О нет, еще! – пробормотала Таня, покосившись на бастион чемоданов, окружавших кровать Пипы.

Тете Нинели придется нанимать дюжину грузовых купидончиков, которые прилетят в Тибидохс не в духе, едва живые от усталости, и примутся разгневанно пищать, швыряя в окно чемоданы.

Под утро, когда Таня закончила писать, вернулась Гробыня. Склепова так устала, что даже не стала язвить, а только буркнула: «Все кыш! Если кто меня спросит: я умерла!» – и, не раздеваясь, бросилась на кровать.

Решив последовать хорошему примеру, Таня тоже легла и сразу уснула. Ей приснилась самая добрая тетя, которая, нацепив на упирившегося Гурочку Пуппера ошейник с поводком, бесцеремонно волокла его к Джейн Петушкофф. Джейн, в Танином сне слившаяся со сказочной людоедкой, сидела за столом с красной скатертью и, плотоядно облизываясь, ожидала, пока к ней подведут несчастного Гурия. В руках у мадемуазель Петушкофф были нож и вилка. Таня кинулась было к Гурию на помощь, но неведомая сила отбросила ее в сторону. Она лежала на земле и беспомощно смотрела, как Джейн, ловко орудуя ножом, уплетает Пуппера без масла и без хлеба.

Таня вскочила и, чтобы не видеть этого ужаса, кинулась в лес. Деревья хаотично бежали ей навстречу. Внезапно впереди, на тропинке, она заметила Ваньку, который удалялся быстрым шагом. «Ванька! погоди! Не бросай меня!» – закричала Таня. Она мчалась следом, спотыкалась, но никак не могла догнать его. Напротив, как это бывает в снах, ее относило куда-то назад. «Пожалуйста, не уходи!» – крикнула Таня снова, поняв, что он сейчас исчезнет. Валялкин обернулся. «Три года! Сказано тебе: три года!» – произнес он сурово и, шагнув в сторону с тропинки, исчез. Земля втянула его как трясина. Таня закричала.

– Эй! Что с тобой такое? Просыпайся давай! – кто-то потряс Таню за плечо.

Она открыла глаза и увидела блестящую хромированную трубу пылесоса, на которой плясало солнце. Окно было распахнуто. Над ней склонился Баб-Ягун.

Таня рывком села на кровати. Сон и реальность никак не хотели поделить ее сознание. Лоб и ладони были мокрые от пота. Пипы и Гробыни в комнате уже не было.

– Чего ты кричала, мамочка моя бабуса? Кошмары? – спросил Ягун.

– Захотелось, – огрызнулась Таня.

Умный Ягун правильно понял ее состояние и не стал больше приставать. За это она его и ценила.

– Ясно... – сказал он. – Ты на тренировку-то идешь? Соловей велел сегодня пораньше явиться. У него что-то важное... А в полдень Медузия с Зуби новичков привезут. Ну, первокурсников будущих. Интересно будет взглянуть. Так что

давай!..

– А завтрак?

– Завтрак ты уже проспала. Но догадливый Ягун прихватил пару бутербродов, так что с голоду ты временно не умрешь. Пошли!

Таня провела рукой по лицу. Ей почудилось, что она стирает липкую паутину скверного сна. Выдвинула из-под кровати футляр с контрабасом и щелкнула замком. Смычок послушно прыгнул к ней в ладонь.

– Пойдем развеемся! От скверных мыслей нет ничего лучше драконбола, – сказала она.

* * *

Соловей О.Разбойник сидел на раскладном стуле посреди поля и, вытянув больную ногу, наблюдал, как джинны-драконюхи прогуливают сыновей Гоярына. Ртутный и Искристый росли быстро, как на дрожжах. Ртутный вымахал почти со своего папочку, хотя ему не хватало пока его мощи. Это был костистый, неуклюжий, еще не оформившийся и не вошедший в силу дракон-подросток с длинной шеей и огромными кожистыми крыльями. Он хлопал ими, разбегался и раз за разом упорно пытался взлететь, поднимая с поля тучи песка, однако джинны держали крепко. Они натягивали цепи в разные стороны, осаживая дракона. Куда больше Ртутного они боялись Искристого, чье молодое пламя обладало кинжальной точностью и невероятным жаром. Именно по этой причине на пасти у Искристого был пламягасительный намордник.

– Дайте полетать! Малыши засиделись! – крикнул Соловей джиннам.

Переглянувшись, драконюхи натянули цепи. Один джинн ловко запрыгнул к Искристому на шею и отстегнул ошейник. С той же ловкостью он перескочил на шею к Ртутному и тоже отстегнул. Ошейники упали. Джинны, спасаясь, бросили цепи и метнулись в разные стороны. Ртутный несколько раз впустую щелкнул зубами, пытаясь поймать их, а более сообразительный Искристый не стал терять время и взлетел.

Ртутный, поняв, что его ничто не держит, помчался за братом. Соловей О.Разбойник с интересом наблюдал за драконами, оценивая силу и скорость, с которой они кувыркались в воздухе, обмениваясь сильными ударами крыльев.

– Недурно. Лет через двадцать можно будет выставять на матчи. А еще лет через пятьдесят войдут в полную силу, – негромко сказал тренер, ни к кому не обращаясь.

Ртутный, так и не догнав стремительного брата, заревел низко и грозно. Гоярын немедленно откликнулся из ангара, мгновенно окутавшегося темным дымом. Джинны-драконюхи беспокойно заметались и засвистели, успокаивая Ртутного, чтобы он не искушал больше Гоярына. К счастью, Ртутный уже вновь погнался за Искристым.

Соловей покачал головой. Он давно заметил, что с Гоярыном происходит что-то странное. Дракон постоянно пребывал в ярости, хлестал хвостом по ангару, пытаясь сокрушить его, и отказывался узнавать даже самого тренера.

Не желая рисковать командой, которая могла пострадать от Гоярына, Соловей на тренировках заменил его Искристым. Кроме того, он уже дважды обращался за советом к Тарараху.

– Даже не знаю, что такое на него нашло! Просто в голову ничего не лезет, – озабоченно признавался Тарарах. – На сглаз не похоже, на магическое бешенство тоже... Они порой после спячки не с той лапы встают, да только вроде как Гоярын в этом году нормально из спячки вышел. Белки глаз хорошие, чешуя вроде тоже ничего... Внешне ничего необычного. Может, чует чего, а? Драконы ж, они многое наперед чувствуют, да только сказать не могут.

Через полчаса, когда молодые драконы немного устали и их полет стал менее стремительным и хаотичным, на поле стали постепенно собираться игроки взрослой команды. Так теперь называли старую команду Тибидохса, чтобы отличать ее от юношеской. Юношеская команда была составлена из самых перспективных, с точки зрения Соловья, учеников младших курсов Тибидохса, которые со временем должны были сменить пятикурсников.

Первым, поигрывая летающей шваброй, как денди тросточкой, на поле появился блистательнейший Жора Жикин, окруженный дюжиной поклонниц, в основном

второго и третьего курсов. Девушки постарше обычно разочаровывались в нем, переболев Жорой, как ветрянкой или краснухой. Малолетки же толкались и шипели друг на друга, однако делали это тихо, чтобы не раздражать Жору.

Едва смуглый красавец Жикин поворачивался к ним, вся его свита разом улыбалась. Жора переводил взгляд на ясное небо и утверждал, что собирается дождь. Сообразительные девушки кидались спасать кумира с неумело наколдованными зонтиками. Кроме того, они считали, что Жикин лучший игрок команды Тибидохса. Собираясь вечером в чьей-нибудь комнате, они часами разглядывали его оживающие фотографии. На фотографиях, когда-то делавшихся для рекламного проспекта, который Лысая Гора грозила проплатить, но так и не проплатила, Жикин красовался на швабре. Его правая рука с пламягасительным мячом была геройски занесена над головой. В каком-то метре от Жоры распахнул жуткую пасть дракон бабаев.

«Не правда ли, он просто милашка? Не какой-нибудь Пуппер или Ягун! Рядом с нашим Жорочкой они просто уроды!» – утверждала девушка лет двенадцати.

«А почему тогда вся слава достается им и Гроттерше?» – спрашивала другая, более трезвомыслящая поклонница.

«Потому что наш Жорочка скромный. Он, конечно, забрасывает не слишком много мячей, а все потому, что предпочитает благородно отдать пас и уступить свою славу другому. Но вообще-то своим присутствием на поле он создает атмосферу. Понимаете, атмосферу!.. Треть зрительниц приходит исключительно ради нашего Жорочки, хотя никогда в этом не сознается!»

Обнаружив, что из взрослой команды он случайно пришел первым, Жикин стушевался и попытался не попасться на глаза Соловью, но с такой толпой сопровождения это было сложно.

– О, Жорик! Почти что вовремя! Наше вам с хвостиком! Ну-ка подойди! – приветствовал его Соловей.

Жикин трусливо приблизился. Девушки тащились за ним.

– Ну что скажешь? Я вижу в твоих глазах рвение тренироваться до потери пульса, не так ли? – лукаво продолжал Соловей.

Жорик сглотнул и незаметно попытался спрятаться за швабру. К сожалению, это оказалось технически невозможным. Пышущий здоровьем Жикин мало походил на дистрофика. Сообразив это, он вздохнул и оставил швабру в покое.

– Э-э... Ну да. Я готов, – сказал он, тревожно косясь на Искристого и Ртутного.

– Чудесно! – продолжал Соловей. – Я не сомневался в твоей решимости! Будь любезен, сделай двадцать мгновенных перевертонов! После перевертонов сразу переходи на виражи...

Жикин побледнел. Перевертоны и виражи были именно теми маневрами, которые он ненавидел больше всего на свете.

– Жорочка будет делать перевертоны! Вот это да! Можно мы посмотрим? – воодушевились девицы.

Жикин резко повернулся и посмотрел на них с раздражением, мягко переходящим в озверение.

– Нельзя! Сказано вам «нельзя!» Подождите меня в парке! – отчетливо сказал он.

– Ну почему? Мы так хотим! Умоляем, ради нас! – нетерпеливо закричали девицы, бросаясь к Соловью. Они были уверены, что это он, Соловей, не позволяет им любоваться летными подвигами их кумира.

О.Разбойник прищурился и намеренно выдержал паузу, ощущая, как Жикин обливается потом.

– Вообще-то не положено, но... хм... шут с вами, только сидите тихо! И не забывайте считать перевертоны!

– Ах, спасибо, спасибо, добренький дядя Соловейчик! Вы нас и не заметите! Вы такая лапочка! Можно вас поцеловать? – воодушевились девицы и стали гроздьями повисать у Соловья на шее.

– Э! Позвольте вас перебить!.. Я не согласен! – вежливо сказал Жикин.

Девыцы продолжали шуметь и целовать Соловья.

– Позвольте вас перебить! – повторил Жикин на тон выше.

Теперь в его голосе определенно слышалось, что с куда большим удовольствием он перебил бы назойливых тараторок из крупнокалиберного пулемета.

Девыцы, не слушая, кинулись на трибуны, собираясь оттуда, как с насеста, любоваться Жорой. Расстроенный Жикин обреченно полез на швабру, собираясь разбиться вдребезги, однако был спасен от позора появлением Кати Лотковой и Демьяна Горьянова. Заметив, что внимание Соловья переключилось на них, Жикин торопливо взлетел и стал выписывать на швабре безобидные восьмерки, не имеющие ничего общего с мгновенным перевертоном, но зато вполне безопасные для формы его носа. Поклонницы, мало понимающие в магическом пилотаже, были довольны и этим.

– Ах, какие перевертоны! Гроттерша делает их иначе, а все потому, что не умеет! Нам сам Жорочка сказал! – восклицали они.

Катя Лоткова несла за ручку пылесос «Грязюкс», на ободке которого покачивалось множество амулетов и талисманов. За Лотковой угрюмо шествовал Демьян Горьянов. Вид у него был такой кислый, что трава, на которую он ступал, желтела, а песок покрывался плесенью.

– Лоткова, а Лоткова! Дай я твой пылесос понесу! – бубнил Горьянов.

– Ты его сглазишь! Свой неси! – упрямилась Катя.

– Не сглажу! Дай!

– Слушай, Демьян, остынь! Ты и не захочешь сглазить, а сглазишь! И вообще, ты улыбаться когда-нибудь пробовал?

Горьянов вздохнул.

– А то! Пробовал. Пятнадцатого числа прошлого месяца.

– Seriously? Что это на тебя нашло?

– Сам не знаю. Что-то шло-шло и меня нашло. Вышел я в парк, посмотрел на небо и подумал: какое фиговое небо! И солнце тупое, мутное! Потом я посмотрел на траву и подумал: какая идиотская трава!.. И тут меня осенило: наверняка в этот дурацкий день кто-нибудь где-нибудь помрет! И тут мне стало смешно, хорошо, и я улыбнулся. Даже не просто улыбнулся. Я ржал, как безумный, целых полчаса!

Катя остановилась.

– Постой! Когда это было? Это не тогда вода в пруду завоняла, пошел черный дождь и чайки на побережье сдохли?

Горьянов обиженно заморгал.

– Если ты все знаешь, Лоткова, зачем спрашиваешь? Так дашь свой пылесос нести или нет?

– Ты угадал. «Или нет», – сказала Катя.

Почти сразу за Лотковой и Демьяном прибыл Семь-Пень-Дыр. Он был рассеян и пребывал в размышлениях по поводу финансовых комбинаций.

«Как бы мне ухитриться получать долг с процентами раньше, чем я даю деньги? То есть, скажем, вы хотите занять у меня четыре зеленые мозоли. Отлично! Вы отдаете мне сегодня четыре плюс две мозоли сверху. Итого шесть. А уже завтра... ну в крайнем случае послезавтра я даю вам те четыре, которые вы хотели занять... Или, скажем, другая схема, более рабочая... Из четырех мозолей, которые вы просите в долг, я сразу вычитаю две мозоли своих процентов. Итого: две даю на руки и еще четыре – долг», – плотоядно размышлял Семь-Пень-Дыр.

– Эй, банковский деятель, кончай мечтать! Мечталка поломается от перегрузки! – крикнул ему кто-то.

Семь-Пень-Дыр сердито обернулся. В десятке метров за ним шел Баб-Ягун, тащивший, кроме своего пылесоса, еще и контрабас Тани.

– А ты не подзеркаливай, папочка своей бабуся! О чем хочу, о том мечтаю! – огрызнулся Семь-Пень-Дыр.

– Ну мечтай! Мечты вообще самое светлое, что есть у человека, а ты их опошляешь, – сказал Ягун.

Таня приотстала, заинтересовавшись поведением Искристого, который выдыхал пламя короткими струями, похожими на огненные плевки. Такая система обстрела гораздо эффективнее, чем быстро угасающий «огненный вал», на который дракон в несколько секунд тратил все дыхание и вынужден был широко распахивать пасть для очередного вдоха. В режиме «огненных плевков» обстрел – хотя менее интенсивный – велся постоянно, пасть же дракона оставалась закрытой и недосягаемой для мяча. Искристый определенно делал успехи и вообще, как боевой дракон, был гораздо опаснее своего сильного, но глуповатого братца Ртутного.

– Ишь, как странно раскладывается колода! К Искристому отошел весь ум Гоярына, а к Ртутному его мощь! Нет чтобы к одному и все вместе! Такой бы славный дракон получился, хоть против сборной Вечности его выставляй! – вслух подумал Соловей О.Разбойник, который, как и Таня, внимательно наблюдал за молодыми драконами.

Рита Шито-Крыто и здесь оказалась в своем репертуаре. Поленившись идти пешком, она материализовалась в воздухе перед носом у оцепеневшего от такой наглости Ртутного. Пока глуповатый дракон соображал, проглотить ли ему Риту целиком или частично, Шито-Крыто ловко спикировала на своей гитаре с прицепом и прыгнула на песок рядом с Соловьем О.Разбойником.

– Мое почтение тренерскому составу! – сказала она.

Соловей неодобрительно зыркнул на нее своим единственным глазом.

– Ритка, попомни мои слова! Привычка к телепортации никого еще не доводила до добра! Когда-нибудь, телепортировав, ты обнаружишь, что вокруг тебя сплошная скала или океанские глубины...

– Что я, не знаю, где океан? – возразила Ритка.

– Хорошо, даже не океан. Достаточно случайно материализоваться в том месте, где пролетает птица. Ты не первый маг, сгинувший подобным образом!

– Я очень осторожна! Со мной такого не случится! – сказала Рита.

– Надо же какое совпадение! Три четверти обитателей Потустороннего Мира, попавших туда раньше срока, были очень осторожны! Крайне осторожны! – едко произнес Соловей.

Волоча за хвост тяжеленное чучело крокодила, на поле появилась маленькая, но сосредоточенная Маша Феклищева – единственная девчонка, которая, подходя по возрасту юношеской сборной, играла во взрослой. Соловей связывал с ней большие надежды, хотя вслух высказывал это только Тарараху. С Машей же, следуя своему правилу не перехваливать, был суров и придирился к ней больше, чем к остальным.

– Молодец Феклищева! Роста ноль, руки слабые, очки как лупы, зато отваги вагон и драконов чувствует как родных! Еще бы ей ощущение полета, как у Таньки, – цены б девахе не было! – говорил он питекантропу.

– Так ты потому ее на этого норовистого крокодила посадил? Ее ж на нем и не видно! – ухмылялся Тарарах.

– То-то и оно, что поэтому. Пускай помучается. Научится с крокодилом управляться – потом на пылесосе ей вообще делать нечего будет, – кивал Соловей.

Последней на тренировку пришла Лиза Зализина, державшая под мышкой часы с кукушкой.

– Здравствуй, Танечка! Здравствуй, Танюсечка! Как ты спала ночью? Мягкая ли была подушечка? А одеяльце? Шторки Черные тебя не душили? – спросила она приторным голосом.

– Зализина, не устраивай истерику! – буркнула Таня.

– Какая истерика? Ты что, бредишь?.. Я просто сказала: здравствуй, солнышко! Здравствуй, золотце! Здравствуй, кисочка! Как тебе Ванечка Валялкин? Совсем ты его заела, дрянь такая, или только собираешься?

В тоне Зализиной появилось нечто маниакальное. Взгляд ее буравил Таню с такой ненавистью, что у Гроттер кишки по часовой стрелке закручивались.

– Лиза, сделай мне большое человеческое одолжение! Отойди от Гроттер шагов на десять! – велел Соловей О.Разбойник.

Лиза неохотно подчинилась, на прощание одарив Таню еще одним красноречивым взглядом.

– Странное дело, как сильно эти девчонки ухитряются друг друга ненавидеть! Прямо песок от ненависти плавится! Вот я, например, Горьянова тоже терпеть не могу, но чтобы так, как Зализина Таньку! Я просто как табуретка! Подрался – помирился, вот и весь разговор! На такую ненависть у меня и батареек бы не хватило! – сказал Жикину, который давно уже опустился на поле, Баб-Ягун.

– О дочери Евы! Коварство имя вам! Я бы скорее согласился родиться в следующей жизни гремучей змеей, чем девчонкой! – понимающе проговорил Жора и закатил глаза.

– Змеей, говоришь? И не надейся! Змеей буду я. А ты, Жика, в следующей жизни родишься горным бараном! Или, точнее, козлом! Винторогим! – сказала Рита Шито-Крыто, внезапно возникая рядом и таинственно наклоняясь к Жикину.

– Ты что, подслушивала? Почему козлом? – не включился Жора.

– Они такие же самовлюбленные болваны! – сказала Шито-Крыто и удалилась в своей непредсказуемой манере.

Жикин проводил ее задумчивым взглядом.

– Блин, злопамятность какая! Ну не хотел я тогда на свидание опаздывать. Случайно так вышло! – буркнул он.

* * *

Тренировка была просто чудовищно сложной. Соловей принадлежал к той породе беспокойных тренеров, которые пребывают в состоянии вечного эксперимента так же, как иные лопухоиды находятся в состоянии непрерывного гриппа. Он разбил команду на тактические пары и заставил выполнять сложные фигуры, отдавая пас в высшей, непредсказуемой для противника точке траектории. Сначала ни у кого ничего не получалось. Даже у Тани мяч летел совсем не туда, когда она бросала его в той самой высшей, замирающей точке. Встречный ветер не пускал из груди дыхание, от скорости трибуны смазывались, а поле внизу казалось не крупнее ладони. К тому же нередко мяч приходилось отсылать в положении, когда во время мертвой петли небо и земля коварно менялись местами и соскальзывающие колени едва держались за контрабас.

Сердитому Демьяну Горьянову, которого Соловей по туманным для Тани причинам назначил ей в напарники, всякий раз приходилось гнаться за ускользнувшим мячом непонятно куда.

– Гроттер, ты вообще в состоянии хоть куда-нибудь попасть? Тебе очки выписать? Ты не стесняйся, скажи! – вопил Горьянов.

Под конец Таня сообразила, что делает ошибку, пытаясь бросить мяч. В высшей точке траектории мяч следовало просто ронять, придавая ему направление и добавляя заклинание заговоренного паса.

– Труллис-запуллис! – шепнула она и, проверяя свое предположение, совсем без силы пустила пламягасительный мяч в направлении Горьянова.

Попала она или нет, она не видела. Таня только осознала, что мяч куда-то просвистел, а в следующую секунду ей уже пришлось выходить из виража. Когда небо с землей вновь послушно встали на свои места, Таня обнаружила, что Горьянова в воздухе нет. Удивленная, она снизилась. Демьян, зеленый от злости, медленно покачивался на платке-парашюте, а из песка надгробным памятником торчала труба его пылесоса.

– Ну как тебе пас? – подлетая, спросила Таня у Горьянова.

Демьян молча отвернулся, а вскоре, откопав пылесос, попросил Соловья больше не ставить его в пару с этой психованной.

– А с кем тебя поставить? Хочешь с Феклищевой? – с издевкой предложил Соловей.

– Только не с Машкой! У нее крокодил какой-то неадекватный. Я ему не нравлюсь! Лучше уж с Лотковой! – с мечтательным блеском в глазах сказал Горьянов.

– Ага. Чтоб у нее русалочья чешуя в пылесосе протухла! Горьянов, держись от Катки подальше, если не хочешь, чтобы твоя фамилия стала говорящей! – заявил Баб-Ягун.

– Ой, как страшно! У меня коленки от страха стучат! – сказал Горьянов, однако к идее работать в паре с Лотковой больше не возвращался.

Завершилась тренировка небольшой игрой – старая команда Тибидохса сражалась против новой. Играли по упрощенным правилам. Каждый мяч засчитывали по одному очку, а магия мячей была сильно ослаблена из опасения повредить молодым драконам. Чтобы хоть как-то уравновесить силы, Соловей отдал старой команде бестолкового Ртутного, глотавшего мячи просто от жадности, воротами же юношеской сделал сообразительного Искристого.

Примерно через час матч завершился со счетом три : два в пользу более опытной команды. Мячи в пасть Искристому забросили Семь-Пень-Дыр, Таня и Жора Жикин. Жикин, в кои-то веки сам забивший, гордился этим до чрезвычайности – так, что забыл развернуть швабру и едва не впечатался в магическую защиту поля. Кое-как усидев, он бросил быстрый взгляд на трибуны, проверяя, не просмотрели ли его поклонницы столь блистательный момент. Поклонницы, в очередной раз убедившиеся в величии своего кумира, прыгали и вертелись на скамейках, точно покусанные оводами. Некоторые на радостях обнимались. Другие хохотали. Одна рыдала в голос. Правда, вскоре выяснилось, что причина слез была иной. Проглотивший мяч Искристый напомнил впечатлительной девушке ее сиамского котика, который точно так же четыре года назад подавился хвостом от селедки.

Из двух мячей, заброшенных юношеской сборной, лишь один был красивым. Его провел одиннадцатилетний Боря Горлопуз, стремительным рывком обыгравший защиту. Второй мяч голодный Ртутный проглотил по недоразумению вместе с Лизой Зализиной, игравшей в его же команде. Что касается самой Лизы, то она в этот момент изрыгала проклятия «родненькой Танечке» и смотрела в другую сторону.

Матч закончился. Все спустились и, сложив магические инструменты, обступили тренера. Они ожидали, что, как это обычно бывает, начнется разбор. Однако Соловей даже не стал ругать тех, кто сегодня играл из рук вон плохо. Вместо этого он с загадочным видом молчал, наблюдая за джиннами, которые загоняли в ангары сыновей Гоярына.

– Не расходитесь! У меня для вас сообщение, самое идиотское сообщение из всех, которые мне приходилось в последнее время делать! – ворчливо сказал Соловей, когда ворота ангаров наконец захлопнулись за Ртутным и Искристым.

Баб-Ягун толкнул Таню локтем.

– Через двадцать семь дней назначен матч-реванш с невидимками, к которому мы готовы точно так же, как курица готова к трансатлантическому перелету. Это раз. И два. Как бы ни закончился матч, через две недели после него Таня Гроттер и Баб-Ягун отправляются в Магфорд, – сердито продолжал тренер.

– С какой это радости? Почему они, а не я? – ревниво спросил Семь-Пень-Дыр.

Соловей с хладнокровием пропустил его вопрос мимо ушей.

– Целый месяц Таня и Ягун будут жить и тренироваться вместе с командой Магфорда, а затем в ее составе примут участие в матче со сборной мира. Все решения принимались на Лысой Горе, в спорткомитете. Вчера туда вызывали Сарданапала. Его и меня поставили перед фактом.

– Но ведь сборная мира она уже... того... в Потустороннем мире? – суеверно спросила неопытная Маша Феклищева.

– Сборная мира того? Это сборная вечности того!.. Улавливаешь разницу? А сборная мира она не того, а очень даже сего! – захохотал Семь-Пень-Дыр.

– Спасибо, что объяснил, старичок! С меня проценты с копеечки, и можешь оставить себе всю сдачу! – отвечала ему языкастая Маша.

Таня поспешно соображала. В первую секунду, когда она услышала свое имя, ей почудилось, что она сорвалась с контрабаса во время мгновенного перевертона и теперь падает неизвестно куда, без всякой надежды нашарить платок-парашют или произнести Чебурыхнус парашютис форте .

– Матч с невидимками? Так, значит, к нам приезжает... – услышала она свой замирающий голос.

– Да, кисонька, да, радость моя бриллиантовая, Пупперчик твой приезжает! Ванечка будет просто счастлив! На седьмом небе! Мало ты его мучила, пигалица, мало жизнь ему заедала... Добьешь человека, а сама к Пупперу учешешь! Скатертью дорожка! Сквозняк тебе в хвост! Ути-пути! – с ненавистью прошипела Лиза Зализина.

Зализина была вся в слизи. От нее неважно пахло плохопереваренным драконьим кормом, так как ее только что извлекли из желудка у Искристого.

– Зализина, думай что хочешь. Только встань вон там, чтоб ветер в другую сторону дул, а то меня стошнит! – брезгливо попросила Таня.

Лиза вскипела и определенно вцепилась бы ей в волосы, если бы между ними не вырос Баб-Ягун.

– Лизка, остынь! Я Таньку хорошо знаю. Она мирный человек, но ее бронепоезд стоит на запасном пути. Еще десять фраз, и тебя придется оттирать тряпочкой от магического барьера. И вообще чего-то я недопонимаю. С какой радости невидимки согласились на реванш? А потом еще, чтобы и нас к себе приглашать? Мы, конечно, классно играем, но можно было найти кого получше!

Соловей ухмыльнулся.

– Насчет кого получше, ты мудро подметил. Приглашают не только вас. Еще кое-кого из оборотней, полярных духов, бабаев. Естественно, лучших, у кого есть шанс усилить команду Магфорда настолько, чтобы она не спасовала перед сборной мира. И, Ягун, это тебя касается – в основной состав Магфорда берут только Гроттер. Ты, Ягун, будешь в запасе. Не исключено, что поле тебе придется созерцать издали или в голубых мечтах.

– Лучше просто в мечтах, – поспешно уточнил Ягун. – А как же самая добрая тетя? Как же она допустила, чтобы Таньку пригласили в Магфорд к Гурику?

Тренер пожал плечами.

– Вот уж не знаю! Думаю, все решили в Магществе, не спросив ее мнения. Да и тренер Магфорда не захотел упускать Таньку. Все-таки в драконболе она... хм... чуток соображает... – Тут Соловей на мгновение озадачился, чтобы даже случайно не изменить своим правилам и не похвалить Таню.

* * *

С тренировки Таня возвращалась в большой задумчивости. Она шла в зыбком тумане своих надежд и опасений, а мимо медленно проплывали березы и беседки Тибидохского парка. Поэтому, когда перед ней выросли каменные башни подъемного моста Тибидохса, Таня остановилась в замешательстве. Она попросту не помнила, как дошла сюда.

Здесь же, у рва, толпились другие игроки взрослой сборной Тибидохса, добравшиеся до моста раньше. Вначале Таня не поняла, чего они ждут и почему не заходят в Тибидохс, а потом сообразила: мост был поднят. Среди драконболистов Таня заметила Пипу, Гуню Гломова и Гробыню, которые возвращались из парка и были остановлены подъемным мостом.

Баб-Ягун, благородно тащивший ее контрабас и потому приотставший, нагнал основную группу.

– Мамочка моя бабуся! Интересно, какой... э-э... без комментариев... гений додумался поднять мост? – поинтересовался он.

– Может, Пельменник? – предположил Горьянов.

– Сокровище мое! Запомни один раз и до склероза! Пельменник максимум до чего может додуматься самостоятельно, это не ковырять секирой в носу, да и то потому, что секира казенное имущество, которое надо беречь. Все остальное он делает исключительно по приказу кого-нибудь из преподав. Взятки же берет по воле желудка, – отвечал Ягун.

Высоко в небе загрохотал гром. Что-то плеснуло и разбежалось белыми кругами. Точно камень бросили в небесную синь.

– Грааль Гардарика сработала! – сказала Гробыня.

Никто не ответил. Это и так было очевидно. Все стояли и смотрели вверх. Вскоре, снижаясь по спирали, над озером появилась длинная деревянная скамья. С одного ее края сидела Медузия, с другого – Великая Зуби. Между ними мелькали детские головы. Дети сидели, вцепившись в скамейку, и со смесью страха и любопытства озирались по сторонам.

Первыми их заметила Лиза Зализина.

– Это что за мелочь? Детский сад, что ли, гробанули? – презрительно поинтересовалась она.

– Лапочка, а ты подумать не пробовала? Иногда, знаешь ли, помогает! Это первокурсники! Недавние лопухоиды, у которых наши препода обнаружили способности к магии. Им сейчас десять-одиннадцать лет, я полагаю, – откликнулась Гробыня.

Она извлекла откуда-то бинокль и направила его на первокурсников.

– Двадцать... двадцать один... – считала она. – Странно, что новичков так рано привезли. Обычно их в конце августа доставляют. А тут – раз, и весной. Тупо как-то! Прежний первый курс еще не до конца отучился!

– В лопухоидном мире становится все больше магии. Тревожно много магии. Еще немного, и скрывать это станет невозможно. Соответственно, изымать

одаренных детей и доставлять их в магические школы приходится чаще, чем прежде. Моя бабуся дня три назад сказала, что на Лысой Горе всерьез обсуждают, не следует ли увеличить число российских волшебных школ, или разумнее будет достроить Тибидохс, – знающе проговорил Баб-Ягун.

– Ну и откуда у лопухоидов переизбыток магии? Магия не может взяться ниоткуда. Ничто не возникает из ничего. У магии должен быть источник, – с подозрением спросил Горьянов.

– Демьян, умоляю, отвернись, или у меня завтрак в желудке прокиснет... – поморщился Ягун. – Я не знаю, откуда взялась лишняя магия. Бабуся об этом не очень-то распространяется. Только мельком сказала, что это может быть связано со стражами света и тьмы... и с Мефодием, что ли, каким-то.

– Мефодием Буслаевым, – сказала Таня.

– Ты что, его знаешь? – удивился Ягун.

– Не-а... Сарданапал что-то когда-то упоминал, а дальше пошли непонятки. И Сарданапал молчок, и этот парень Буслаев ни гугу. Однако мне все равно тревожно. Есть ощущение: что-то где-то происходит, но вот что и где? Тут моя интуиция молчит, – пожав плечами, сказала Таня.

Скамья опустилась на небольшую площадку с той стороны подъемного моста и зависла в воздухе в полуметре от земли. Вначале спрыгнула Зуби, за ней Медузия, а за ними горохом посыпались дети.

– Ни фиги себе лебеди! Воробьи какие-то! – сказал Семь-Пень-Дыр.

Гуня Гломов хмыкнул, точно кашлянул в бочку.

– Ага! Какие-то они совсемдохлые! Мелкое пошло поколение!.. Хотя вон тот парнишка с красной рожицей ничего, крупненький! Смотрите, пытается Ржевскому кулаком в нос врезать! Прямотак, сходу, за здорово живешь! Призраку, понятное дело, ничего, но парень-то как старается!..

– Будущий Гуня! – хихикнул Жикин, но хихикнул осторожно, с необходимой долей такта, чтобы не разозлить Гломова, а, напротив, польстить ему. Однако он просчитался.

Гуня с неумолимой неторопливостью танковой башни повернулся к Жикину. Тот на всякий случай втянул голову в плечи.

– Ну я не я – это время покажет. А задатки да, есть, – важно согласился Гломов и отвернулся с такой же неторопливостью.

Зубодериха с другой стороны рва что-то скомандовала, и дети послушно стали строиться парами.

– А знаете, что самое грустное? – вдруг сказала Рита Шито-Крыто.

В голосе у нее прозвучала такая искренняя печаль, что все невольно повернулись к ней.

– Самое грустное, что этих малявок набрали на наши места! Они займут наши комнаты в Тибидохсе, когда мы отсюда уйдем. Они – это мы. Только уже другие... – продолжала Рита.

– Без паники, Шито-Крыто! Никуда мы отсюда не сваливаем, пока что! Еще есть три года Бмагспирантуры! – заявил Баб-Ягун.

– Не у всех. Конкурс высокий! И мест гораздо меньше, чем нас... – с опаской процедил Семь-Пень-Дыр.

Гробыня мило улыбнулась. Верхняя губа у нее сегодня была ядовито-сиреневой, а нижняя – черной с блестками. Гробыня продолжала свои эксперименты с экстремальной косметикой.

– Все в этом мире поправимо, Дыр. Существуют отличные медленные яды. Ты еще не раздумал поступать? Приходи сегодня ко мне! Чайку попьем! – пригласила она нежно.

Пень тревожно засопел.

– А я приглашена на чай? Я приду со своей заваркой! – встряла Шито-Крыто.

Среди старшекурсников Тибидохса она считалась лучшей по ядам и противоядиям. Да и в сглазах была неплоха. Недаром у Великой Зуби она была любимой ученицей. Разумеется, Гробыне не улыбалась перспектива состязаться с Риткой.

– Ты в пролете, Шито-Крыто! Все яды только для моего любимого Дыра! – сказала она с беспокойством.

Ритка хотела ответить, но внезапно была отвлечена чем-то, происходящим по ту сторону рва.

– Опс! А это еще что за акселератихи? Если это первокурсники, то я африканская принцесса! – напряглась вдруг Шито-Крыто.

– Какие акселератихи? – щурясь, спросила Лиза Зализина.

– Да вон те две! С ними еще парень! Им уже лет по шестнадцать, не меньше! Куда ты смотришь, Лизон? Тебя что, надо взять за уши и навести на цель, как перископ?

– Не, я уже вижу. Но там Ванечки нет, – рассеянно сказала Зализина.

Ритка посмотрела на нее с состраданием.

– Умничка! Суть ты уловила: Валялкина там нет. Остальные детали, – заметила она.

* * *

Грааль Гардарика еще раз сработала. Невидимый купол, скрывавший магический остров, раздвинулся. Рядом с мостом опустились три ступы. Их антикварный вид немедленно дал Ягуну повод пошутить, что кто-то гробанул магическую свалку в котловане вулкана на Мертвом острове.

Из ступ выбрались две девушки – одна скуластая, с высоким лбом и двумя косами разных цветов – синей и зеленой. Другая – небольшая, гибкая и подвижная. Высокая девушка еще была в ступе, а маленькая уже разговаривала с Великой Зуби. Волосы у нее были огненного цвета, который то и дело менялся от тускло-рыжего до золотистого. «Двухнедельный магический окрас. Ранее срока смывается только слезами лешего или родниковой водой с молодой крапивой», – профессионально определила Склепова.

Из третьей ступы выпрыгнул парень лет семнадцати, длинноволосый, смуглый и большеротый. Двигался он очень уверенно и одновременно расслабленно. Рюкзак с его вещами, прилетевший на Буян самостоятельно, не шелохнувшись, висел в воздухе чуть выше плеча хозяина. Это говорило о высоком уровне владения магией. У первокурсников, недавно научившихся заговаривать предметы на полет, они обычно болтались в воздухе, падая, едва от них отводили взгляд. Этот же рюкзак висел как вкопанный, хотя парень даже не оглядывался на него. Под мышкой у новичка была большая папка, которую обычно носят художники. В руке он держал длинную бамбуковую трость.

– И чего они сюда приперлись? Особенно эта мелкая расфуфырилась! Прямо: мам, купи попугая! Не могу смотреть на это уродство! – заявила Гробыня, продолжавшая критически изучать девушек.

Таня с сомнением посмотрела на Склепову. На ее взгляд, сама Гробыня была одета в сто раз более броско. Чего стоил один вырез на животе, демонстрирующий небольшую серебряную висюльку в форме черепа, которая закрывала Гробыне пупок. Серьгой Склепова обзавелась на Лысой Горе, а потом осознанно доводила Поклепа до белого каления. Завуч объявил пирсингу и татуировкам войну и боролся с ними до тех пор, пока его собственная Милюля не проколола хвост в четырех местах и не стала, будто этого было мало, носить кожаный ошейник с серебряными шипами. Получив в спину такой удар, Поклеп мигом присмирел и отстал от Склеповой.

– А вот парень новый ничего! И плечики на месте, и осанка приятная. На сто пудов знает, что мы на него смотрим, а не напрягается, естественно себя ведет. Другой бы уже или зажался, или грудь бы выпятил. Ходил бы, как качки по пляжу, над которыми народ ржет. Все-таки люди, когда на них глазек, ведут себя как последние болваны... А вот зачем ему, интересно, трость? И эта папка? Он что, художник? – продолжала Склепова.

Если Гробыне не понравились девицы, зато понравился парень, то с Гуней Гломовым все произошло строго наоборот. Девицы не вызвали у него особого отторжения, а вот парень пробудил в Гуне хищные инстинкты. Ни слова не говоря, Гломов внимательно посмотрел на свой кулак, ухмыльнулся и бочком подошел к мостику, с нетерпением дожидаясь, пока он опустится.

Тем временем новички уже о чем-то разговаривали с Великой Зуби. О чем они беседовали, можно было только догадываться, потому что слова через ров не долетали. Потом Зуби закивала и сделала ладонью жест, который делают гомосапиенсы, когда извиняются и просят немного подождать.

– Опс! – сказала Ритка Шито-Крыто, все всегда замечавшая первой. – Смотрите, кто там поблизости крутится! Верка Попугаева! Ну теперь я за русскую разведку спокойна! Верка все разнюхает! Вплоть до того, был ли хомячок у троюродного племянника евойного дедушки и любили ли их мамы вареный лук.

Наскоро пересчитав, Великая Зуби и Медузия увели озирающихся детей в Тибидохс. Малышня жалась и с тревогой поглядывала на одетого в шкуру циклопа Пельменника, который, нетвердо сидя на камне со вчерашнего перепоя, обрубал себе секирой кривые желтые ногти. Таня отлично понимала, что сейчас чувствуют новички. Она еще не забыла, что испытала пять лет назад, когда из семи пересекающихся радуг, как из морской пены, соткался зеленый остров, на котором лежала каменная черепаха с огромными башнями.

Шестнадцатилетние девушки и парень с бамбуковой тростью пока оставались с той стороны моста у своих ступ.

– Эй, Пельменник, опускай мост! – нетерпеливо крикнул Баб-Ягун.

– Не положено, чтоб мелкий народ не затоптали. Приказ такой, – меланхолично отвечал циклоп.

– Так малышня уже ушла, – отвечал Ягун.

Пельменник повертел головой, убедился, что Ягун прав, и, отложив секиру, опустил мост. Первым на другую сторону ринулся Гуня, за ним все остальные.

– Пароль! Без пароля шпиенам не положено! – потребовал Пельменник, по привычке преграждая им дорогу.

– Дохлая русалка! – сказал Гломов.

– Нет, не «русалка». Другая какая-то фигня! – сказал Пельменник, на физиономии которого явно прочитывалось, что он сам не помнит ни пароля, ни отзыва. – Ладно, проходи! Но чтоб в последний раз! – буркнул он, отходя в сторону.

Ритка Шито-Крыто сразу устремилась к Попугаевой и за рукав оттянула ее в сторону.

– Ну, рассказывай! Только не говори, что ничего не знаешь! Я видела, как ты рядом с Меди крутилась!

– Может, я про пчелок спрашивала? Или про экзамены? – едко предположила Верка.

– Попугаева, ты меня знаешь! И я тебя знаю! Не буди во мне кобру!

Верка вздохнула и сдалась.

– Ладно. Их зовут Лена Свеколт и Жанна Аббатикова. Свеколт – та, что повыше, с разными косами.

– А парень?

– Глеб Бейбарсов. Симпатичный, правда?

– Хм... Ничего... Откуда они такие великовозрастные взялись? Магия, что ль, только сейчас пробудилась?

– Не-а, не потому... Они несколько лет были на воспитании у какой-то ведьмы, – небрежно уронила Попугаева.

– Как так?

– Да так. Где-то на Алтае жила темная ведьма. Чудовищно сильная темная ведьма. Из этих – старой закалки: ступы, травы, коты. Уединенно жила. О ней не знали ни в Магшестве, ни на Лысой Горе. Она всех презирала и не шла ни с кем из своих на контакт. Даже на шабаши не летала.

– Полный бред! Магию нельзя скрыть. Даже если ее не проявлять – можно засечь, – заявила Ритка.

– Тебе виднее, Шито-Крыто. Если все бред, я могу дальше не бредить, – насмешливо сказала Попугаева.

– Нет уж, бредь дальше.

– Вот спасибо!.. Так вот, эта темная ведьма серьезно занималась вуду и некромагией.

– Некромагия запрещена. И вуду тоже.

– Думаешь, бедная наивная старушка об этом не знала?.. Да она такие штуки там у себя мутила, что Чумиха отдыхает. Несколько лет назад ведьма ощутила, что скоро умрет. По-настоящему сильным ведьмам это известно заранее. Но темные ведьмы не могут умереть просто так, не передав никому своего дара.

– Ага, знаю. Иначе их агония будет длиться целые столетия и даже в Потустороннем Море они не обретут покоя, – кивнула Ритка.

– А так как дар у нее был огромный, такой, какого один человек не вместит, она нашла учеников. Им было тогда лет по десять-одиннадцать. У них были не то чтобы магические способности, а так... задатки. В Тибидохс их бы точно не взяли. Но старуха ухитрилась их развить и передала им свой дар до капли. Всем троим. А недели две назад ведьма умерла...

Верка Попугаева внезапно прервалась и вскинула голову. Ее нос беспокойно задвигался. Она явно унюхала что-то интересное. Проследив ее взгляд, Ритка обнаружила, что в воздухе давно пахнет дракой.

Гломов бесцеремонно подвалил к Глебу Бейбарсову и, ткнув каменным пальцем ему в грудь, спросил:

– Ты че тут, блин, стоишь, а?

– Не мог бы ты объяснить, почему тебя так волнует положение моего биологического тела в пространстве? – подчеркнуто вежливо отвечал Бейбарсов.

Он смотрел на огромного Гуню без страха, насмешливо щурясь. Глаза у новенького были темные, без блеска. В зрачках ничего не отражалось. Очень странные глаза. Гуне они совсем не понравились. И ответ на конкретный вопрос тоже. Вежливость, с точки зрения Гломова, была верным признаком слабости. И вообще Бейбарсов Гломову ну о-о-о-очень не показался.

– Колбасы переел? А чего тогда колбасишься? Ты мне тут под Шурасика не канай! Чего это у тебя? Комиксы, что ль, рисуешь? Дай позырить! – продолжал Гуня, протягивая руку к папке, которую Глеб продолжал держать под мышкой.

– Это не комиксы, это мои рисунки. Я их редко кому показываю. Я попросил бы их не трогать, – сказал Бейбарсов, отводя Гунину руку от своей папки.

– Да? Не трогать? Может, ты меня голым нарисовал, а теперь трясешься, что я тебя вычислил? – с издевкой спросил Гуня.

– Маловероятно. Меня не интересуют заборная живопись и заборные типажи, – в своей спокойной манере отвечал новенький.

Некоторое время Гломов переваривал ответ, пока наконец до него не доехало, что его поставили на место.

– Ну все! Сейчас кто-то получит по харизме! Через минуту ты поймешь, что ты никто и зовут тебя никак! – с предвкушением развязки сказал Гломов.

Стадия предварительных переговоров, которую Гуня терпеть не мог, подошла к своему логическому завершению. Теперь можно было с чистой совестью приступить к мордобою.

Гломов повернулся, отошел на полшага назад, будто собрался уходить – это был его обычный прием, чтобы заставить противника расслабиться и потерять бдительность, – и, пробурчав Гломус вломус, выкинул каменный кулак точно в подбородок новичку. В девяноста девяти случаях из ста этим ударом все заканчивалось. Соперник Гуни оставался на земле неподвижным телом, Гломов же, пнув его пару раз для порядка, удалялся.

Однако теперь был, видимо, тот самый сотый случай. То исключение, ради которого написаны все правила. Глеб красиво и непринужденно ушел от тяжелого кулака Гломова и легко, без усилия, ударил его по руке бамбуковой тростью, что-то буркнув себе под нос. Гуня не придавал этому значения, тем более что даже не почувствовал боли. Он отдернул руку и занес ее для нового сокрушительного удара... Вернее, собирался занести, потому что в следующий момент понял: что-то вцепилось ему в горло. Сжало его так, что из горла вырвался хрип.

Гломов зарычал и попытался стряхнуть это нечто, не сразу поняв, что это была его собственная рука, с сосредоточенной ненавистью сдавливавшая ему горло. Однако теперь рука подчинялась не Гуне, а повторяла движения Бейбарсова, который, не подходя к Гломову, сдавливал длинными пальцами смуглой руки воздух. Гуня отрывал руку от своей шеи, помогая себе подбородком и левой рукой, которая пока еще повиновалась. Будь на месте Бейбарсова пять, даже десять человек, неукротимый в своей ярости Гломов расшвырял бы их всех, однако теперь он сражался с самим собой.

– Некромагия! Стиль мертвой марионетки! Коснувшись тростью руки, парень внушил руке Гломова, что она мертва и теперь управляет ею, как мертвой. Если не отменить заклинание, скоро рука начнет деревенеть, как у трупа, – пробормотал Семь-Пень-Дыр.

Наконец Бейбарсов опустил свою руку, и Гунина рука повторила ее движение, повиснув вдоль туловища. Зарывав, Гломов ринулся на врага, надеясь сшибить его с ног и запинать. Силы в нем хватило бы, чтобы уничтожить этого усмехающегося парня и без правой руки. Но трость Глеба Бейбарсова вновь была в воздухе, чертя вспыхивающие огненные руны.

Сердце Гломова дрогнуло, сбилось с ритма и стало замедляться. Проскочив мимо Бейбарсова, он тяжело упал на колени и понял, что не может встать. Неодолимая сила клонила его к земле.

– Десять ударов до полной остановки сердца... Девять... – спокойно считал Глеб.

– Нееет! Нееет! – хрипел Гломов, чувствуя, что сердце подчиняется этому жуткому голосу.

– Тогда повторяй за мной: «Я никто, и зовут меня никак!» Этого ты, кажется, хотел? – негромко и очень мрачно сказал Бейбарсов. – Ну?!

– Да пошел ты! – просипел Гуня.

– Шесть ударов до полной остановки сердца...

Гломов схватился левой рукой за грудь, пытаясь уберечь свое замирающее сердце... Большое сильное сердце останавливалось, он не ощущал уже его ударов. Глаза медленно застилал туман.

– Три удара до полной остановки... Повторяй: «Я никто», – упрямо настаивал Бейбарсов.

Гуня тяжело упал щекой на землю. Теперь его не держали даже колени.

– Меня зовут Гуня Гломов! Г-гуня Гло...мов! – прохрипел он.

Баб-Ягун петухом налетел откуда-то сбоку и трубой своего пылесоса выбил из рук у новичка его бамбуковую трость.

– Некромагия, тьма ее поberi! А ну хватит! Отпусти Глома, или тебе придется драться со мной! А вы, остальные, что, заснули? – крикнул Баб-Ягун.

Хотя Гуня никогда не был его другом, Ягун не собирался допустить, чтобы того прикончили у него на глазах. И другие старшекурсники, Ягун чувствовал это, готовы ринуться ему на подмогу. Семь-Пень-Дыр совсем неплох в драке, да и Пельменник, как свой, Тибидохский, не станет стоять и смотреть, как из его

друзей делают мертвяков. К тому же рядом Танька с ошеломляюще ярким Искрисом фронтисом, Гробыня с заковыристыми запуками и Шито-Крыто, недурно знающая темную магию. Они тоже не останутся в стороне в случае решающей схватки. «Эх, жаль, Шурасика нет и малютки Клоппика!» – мелькнуло в мыслях у Ягуна.

Лишившись трости, Глеб Бейбарсов не стал поднимать ее. Он отступил на шаг назад и, чуть согнув пальцы, выставил вперед руки в оборонительной стойке практикующего темного мага. Сомнений не оставалось – Глеб мог сражаться и без трости и едва ли многим хуже.

Папка с рисунками выскользнула у Глеба из-под руки, упала на землю и открылась. Ягун, машинально заглянувший внутрь, заметил там портрет углем. Кажется, портрет девушки. Прежде чем Ягун разглядел еще что-то, Бейбарсов спохватился и захлопнул крышку папки ногой.

Лена Свеколт и Жанна Аббатикова встали с Бейбарсовым спина к спине, образовав правильный треугольник. Телепат Ягун ощутил, как усилилось темное магическое поле. Эти трое составляли единое целое. Шесть рук с полусогнутыми пальцами, отрешенный взгляд. Темный боевой сгусток магии. Дар мертвой темной ведьмы вновь собрался воедино из трех раздробленных составляющих.

Старшекурсники Тибидохса угрожающе столпились вокруг. Кто-то помогал встать кашляющему Гуне. Кто-то готов был ринуться вперед.

– Остановитесь! Мы не желаем ссоры. Вашему приятелю Глеб не сделал бы ничего дурного. Он запустил бы его сердце вновь. Он это умеет. Мы все умеем, – негромко сказала скуластая девушка, та самая, с косами разных цветов. Так в Тибидохсе впервые слышали голос Лены Свеколт.

– Ничего себе шуточки, родненькие мои! Довести человека до клинической смерти, а потом вновь запустить сердце! – с негодованием сказала Зализина.

Она стащила с ноги туфлю с высоким каблуком-шпилькой и собиралась заговорить ее для прицельного метания. Причем заговорить так, чтобы, срикошетив от воспитанников ведьмы, туфля отлетела непременно в лоб Гроттерше.

– Глеб не любит, когда его оскорбляют, и еще он ненавидит, когда кто-то смотрит его картины. Это для него слишком личное, он даже нас неохотно подпускает, когда рисует... – примирительно добавила Жанна Аббатикова.

Бейбарсов чуть поморщился. Должно быть, предпочел бы вообще обойтись без посторонних комментариев, что для него личное, а что неличное.

– Мы хотим мира и покоя. Решайте сами, нужны ли вам друзья или враги! Хотите войну – будет война! Хотите мир – будет мир! – сказал он и слегка шевельнул согнутыми пальцами.

Голубоватая искра, родившаяся на мизинце, скользнула поочередно по всем пальцам левой руки и перескочила на правую. Все тибидохцы пораженно следили за ней взглядами, хорошо понимая, что это означает.

У Тани перехватило дыхание. Мальчишка, у которого не было даже перстня, а висел на шее лишь амулет, делал невозможное. Играл магической искрой, как солнечным зайчиком. И искра не гасла, хотя кому-кому, а Тане было известно, сколько чародейных сил требует всего лишь миг ее горения.

Глеб почувствовал ее взгляд и улыбнулся. Улыбнулся без угрозы, открыто и доброжелательно. Таня ощутила тревогу. Взгляд темных, не отражавших свет глаз очень ее беспокоил. Тем временем Бейбарсов слегка дунул и послал к ней искру, которая мягко скользнула по воздуху и растаяла в десятке сантиметров от ее лица. На землю у Таниных ног упала... черная роза.

– Опаньки! Тут ромашки раздают, а я не у дел? Эй, новенький, а как же наша большая и светлая любовь? – подбоченилась Склепова.

Жанна Аббатикова засмеялась и опустила руки.

– Давай я тебе подарю! – предложила она.

Гробыню это не вдохновило.

– Не-а, не катит. Дороги не цветы, дороги китайские вазы. Лучше узнай у своего приятеля, какие духи он предпочитает и как относится к мини-юбкам и

татуировкам? Если так же, как Поклеп, то он в полете.

Ягун расслабился. Он успел ужом скользнуть в сознание Бейбарсова и обнаружить, что никаких коварных намерений там нет. Только легкая снисходительность некромага, уверенного в своих силах, и еще нечто трудноопределимое. «Он заинтересован... кем-то или чем-то. Кто-то ему о чем-то напомнил. И ему почему-то важно это нарисовать...» – попытался сориентироваться Ягун, но его уже бесцеремонно вытолкнули мысленным блоком. Сознание Глеба захлопнулось, как сейф. Теперь его не взломали бы и пять телепатов.

– Хорошо. Мир. Только впредь учтите, что у нас принято выяснять отношения без этих некроштучек. В крайнем случае, можно кого-нибудь втихомолку сглазить или по-домашнему запустить запуком, но уж точно не убивать. И вообще вам повезло, что малютка Клоппик где-то шляется... Он не Гуня, у него свои примочки, – сказал Ягун.

– Хорошо, учтем, – без тени юмора сказала Лена Свеколт.

В ней было что-то глобально серьезное. Даже разноцветные косы говорили скорее о стремлении казаться легкомысленной, чем об истинном легкомыслии. Видимо, Лена Свеколт, как и Шурасик, тяготилась своим умом, страдала от своей непохожести на других. Хотела быть такой же, как все, но увы... Ее «самость» проглядывала отовсюду, была в каждом ее жесте. Такая девушка, даже если и захочет сделать в веселую минуту шалость, проделает это непременно неуклюже, как порой, сконфузившись от сознания пустоты этого занятия, толстый отличник скатывает снежок и, норовя попасть в столб, разобьет стекло газетного киоска, стоящего, быть может, где-то совсем в стороне. Это почувствовал даже поверхностный, стремительный и не столько умный, сколько остроумный Ягун.

– Какой еще мир? А если эти негодяи остановят завтра сердце у моего Ванечки? Оно у него такое ранимое! А все из-за этой идиотки Гроттерши, этой мерзкой вампирши! – закричала Зализина, обвиняюще показывая туфлей на Гроттер.

Глеб Бейбарсов взглянул на Таню с любопытством. Тане стало неловко.

– Зализина, надень свой валенок на каблуке! Тебе простужаться вредно, ты звереешь. Когда у тебя в прошлый раз был насморк, мы дежурили ночью по очереди, чтобы ты никого не убила, – пробурчала она.

На стене над воротами появился Поклеп. Краснолицый, взволнованный, с плешью, пылающей самоварным жаром, он был смешон, но засмеяться хватило бы ума только у потенциального самоубийцы.

– Где? А ну признавайтесь! – заорал он.

– Кто где? – спросила Гробыня тем мягким и вкрадчивым голосом, которым она всегда разговаривала с начальством и идиотами.

– Мертвецы! Кого убили? Говорите, я все равно узнаю! – потребовал завуч.

– Никого не убили. Все живы, все здоровы, все хорошо себя чувствуют, – терпеливо сказала Склепова. – Мы просто разговариваем. Помогаем новеньким влиться в коллектив.

Поклеп Поклепыч недоверчиво хмыкнул.

– Да? А почему Недолеченная Дама летает радостная и орет, что в Тибидохсе новые трупы? Ну попадись она мне! Новенькие, наверх!.. Вам укажут ваши комнаты!.. А все прочие марш, марш! Что, заняться нечем? Сейчас живо у меня отправитесь в подвал собирать волосатых пауков и травить гнилыми слизнями нежить!

Площадка у ворот быстро опустела. Шито-Крыто и Верка Попугаева остались у моста одни. Пельменника можно было не считать. Он дремал на солнцепеке, изредка ударяясь носом о свисавшую цепь подъемного моста.

– Вот так дела! – сказала Попугаева. – Видела, что наши красавцы учудили? Чуть Гуню не грохнули! Признаться, я с самого начала знала, чем все кончится!

– Откуда?

– От верблюда! Ты не слышала до конца всей истории! Когда темная ведьма умерла, почти сразу после ее смерти исчезла защита вуду, которая прежде мешала телепатам Магщества накрыть всю эту лавочку. А тут – бац! – засекли. Они засуетились и послали группу боевых магов.

– На российскую территорию? А как же Лысая Гора? Разрешила, что ли, лезть в наши дела?

– Ты же знаешь это Продрыглое Магщество! Оно совсем охамело... В общем, теперь самое прикольное. Эти психи примчались на метлах и стали орать на ломаном русском: «Все лейзать! Перстни сынять! Хэндз за башка!» Наши отпрыски всполошилась – они сроду других магов не видели, да и старуха им все годы вдалбливала, что вокруг одни враги и никому доверять нельзя... Короче, они сглазили пятерых боевых магов, да так, что тех еле откачали! Вот им и «хэндз за башка!».

– Это же профессионалы! Они должны были быть готовы!

– Держи карман шире. Привыкли небось к Искрисам фронтисам и стандартным проклятиям! Где уж им против некромагии да еще в сочетании с вуду!.. Ведьма-то свой дар знала, как передать! Магщество взбесилось, заявило, что оно не хочет терять людей и вышлет дюжину драконов, чтобы выжечь этих ребят вместе с их дремучим лесом и всем Алтаем... Но тут уже наши, с Лысой Горы, вмешались и послали туда Зуби с Медузией... Те спокойненько полетели, без напряжения, без воплей, без понтов. Пообщались по душам. И вот... вполне нормальные оказались ребята. Вменяемые. Отвезли их в ближайший город, приодели, дали в себя прийти, глухомань из-за ушей отряхнуть, и вот теперь они тут... Прошу любить и жаловать! – тараторила Попугаева.

– Зачем их в Тибидохс? Как я понимаю, обучать магии их уже не нужно, – спросила Шито-Крыто.

– Куда их еще? Не в Дубодам же. Дар просто так не отнимешь, даже если это дар некромага.

ЭХО НЕСКАЗАННЫХ СЛОВ

За обедом Сарданапал с Поклепом по какой-то причине отсутствовали. Их пустые места за столом оставляли ощущение тревожных неуютных дыр. Однако все быстро перестали обращать на это внимание, когда два циклопа, ответственно пыхтя, внесли в Зал Двух Стихий длинный дубовый стол для будущих первокурсников.

Вслед за циклопами, опекаемые Великой Зуби, появились новички. Ребята неуверенно жались друг к другу. Всё им было в диковинку: и пылающие огнем жар-птицы, и хмурые, заросшие рыжим волосом, одетые в шкуры великаны-циклопы; и Конек-Горбунок, потешно выпрашивающий блины; и шипящие змеи; и медведь на цепи, очередной питомец Тарараха, которого питекантропу приходилось всюду водить с собой. Оставаясь один, медведь все разносил. Про медведя было известно, что это заколдованный принц какой-то очень мелкой европейской державы. Однако расколдовывать его ни у кого, кроме питекантропа, энтузиазма не было, особенно когда стало известно, что для полного освобождения от чар надо тринадцать тысяч раз напоить медведя слезами единорога с ложечки.

Новички сели за стол, завороченно наблюдая, как на взметнувшейся белой скатерти-самобранке появляются тарелки.

– Котлетная им досталась! А нам кашная! Все лучшее детям, блин! – с завистью прокомментировал Демьян Горьянов и посмотрел на стоявшую перед ним тарелку с манной кашей взглядом, от которого капитулировала бы гитлеровская Германия. Каша позеленела и покрылась плесенью.

Решив подшутить над новичками, Кузя Тузиков нашептал что-то на их скатерть, и котлеты стали таранить малышей. Они взлетали с тарелки и с разгону разбивались об их лбы. Некоторое время это сходило Кузе с рук, пока он не додумался мысленно направить котлету в маленькую белокурую девочку, которая робко жалась где-то с краю стола. Спустя мгновение Кузю сорвало со скамейки, раз двадцать пропеллером прокрутило в воздухе и швырнуло на одного из циклопов. Когда Кузя вновь поднялся, его штормило и качало. Оба его глаза внимательно разглядывали переносицу.

Белокурая девочка робко улыбнулась и стала еще скромнее.

– Нарвался! Интуитивная темная ведьма с навыком врожденной маскировки! О таких вещах предупреждают! – пробормотал Кузя. Он так испугался, что забыл свое имя. То ли Пузя Кузиков, то ли Гузя Дузиков... Что-то в этом духе.

Лена Свеколт, Жанна Аббатикова и Глеб Бейбарсов расположились за одним столом. От тибидохской скатерти они отказались и попросили ее убрать. Свеколт достала старую, изъеденную молью цыганскую шаль и расстелила ее на столе. На шали появились вяленое мясо, несколько луковиц, лаваш и большое блюдо с изюмом. Однако всех поразило не это, а три посеребренные чаши в форме черепов. Хотя логика подсказывала, что это и есть черепа, покрытые серебром.

Баб-Ягун толкнул Валялкина локтем.

– Ничего себе сервировка для алтайской глуши... Оба-на! А что они там в чаши наливают из бутылки! Пусть меня сглазят, если это не то, о чем я подумал! Ну дела!...

К столу новичков подошел Тарарах и доброжелательно, но твердо навис над ним.

– У нас красное вино не пьют! Не положено, ребятки! Дурной пример и все такое! – сказал питекантроп, поочередно опрокидывая все три чаши себе в глотку.

Молодые некромаги с удивлением наблюдали за ним.

– Это я вроде как вылил. Но чтоб больше ни-ни! – пояснил Тарарах и удалился, вытерев губы.

Глеб Бейбарсов пожал плечами, переглянулся со своими и, вежливо спросив разрешения, телепортировал с соседнего стола кувшин с квасом.

– Ничего, привыкнут помаленьку! – сказал Ягун и помахал рукой дальнему столику.

Глеб тоже приветливо помахал в ответ. Однако Таня почувствовала, что он приветствует не только Ягуна, а возможно, даже совсем не Ягуна. Она отвернулась, делая вид, что берет пончик, и заметила, что Ванька тоже радостно машет Глебу. «Чайник! Разве он не понимает... Вот чайник!» – с раздражением подумала Таня. Ей захотелось толкнуть Ваньку под столом ногой, но он бы все равно ничего не понял.

После обеда Таня и Ванька отправились к Тарараху. Питекантроп шел впереди и за цепь, как цыган, вел за собой заколдованного принца.

– Ну-ну, дружище! Не упрямясь! Дело такое! – басил он.

Медведь ревел и гремел цепями, а по дороге сделал безуспешную и в целом спонтанную попытку сожрать Недолеченную Даму. Нападение приятно взбудоражило Даму на целый вечер и дало ей неисчерпаемую тему для рассказов.

«Ах! Этот кошмарный Тарарах натравил на меня медведя! Из ревности, разумеется. Он влюбился в меня еще при жизни, но я твердо сказала: „Нет! Ты меня не стоишь! Не тебе достанусь я!“ И вот он затаился и отомстил! Не будь я, к счастью, мертва, мне пришел бы конец. Я пережила страшную минуту, когда гигантские клыки впивались в мою беззащитную плоть! Вольдемар, как ты смеешь спать! Разве ты никого не хочешь вызвать на дуэль?» – щебетала она.

Ржевского не надо было долго убеждать. Он немедленно проснулся, раздобыл где-то призрачный, но очень громкий «маузер» и, с завываниями летая по коридорам Тибидохса, наделал столько шума, что вышел Поклеп в туфлях на босу ногу и запустил в него дрыгусом .

Но это случилось уже ночью. Теперь же Таня ощущала себя неуютно и искоса поглядывала на Ваньку. Она ничего пока не рассказала ему о матче с невидимками и о последующем своем отъезде в Магфорд. Ванька тоже явно был не в своей тарелке. Он отвечал односложно и смотрел в сторону. Опасался, что Таня вновь начнет разговор о поступлении в магспирантуру. Каждому было что скрывать от другого. Скрытность убивала искренность. И обоим захотелось вдруг увидеть Тарараха. В его присутствии они избегали главной опасности – опасности остаться вдвоем.

Вскоре они были у питекантропа в его холостяцкой берлоге.

– Я хочу зайти сегодня к Гоярыну. Сто лет у него не был, – сказал Ванька.

Тарараху эта идея не показалась блестящей.

– Магздрав не рекомендует, – заметил он.

– Почему?

– Потому что пепел не срастается. И полстакана зеленки внутрь тоже не помогут, хоть ты утопи в зеленке муравейного царька. Гоярын никого не узнает, – сказал Тарарах.

– Даже тебя? – не поверил Ванька.

Ему было известно: Гоярын охотно пускал к себе в ангар только Соловья, Таньку, его и Тарараха. Остальных он в лучшем случае терпел.

– Ну меня он все же узнал, но едва-едва. Еще бы минута, и он бы сделал из меня шашлык по-пещерному.

– Что это на Гоярына нашло? Может, ртутью опоили? Или наговор какой из хмыриного следа? Иногда бывает, что перед матчем драконов портят, – озабоченно сказал Ванька.

Тарарах пошевелил губами, точно прожевывая эту мысль и пробуя ее на вкус. Попробовал и остался недоволен.

– Бывает-то бывает... Да не порча это, не-а... Тут другой какой-то случай!

Тарарах запер медведя в клетке и минут двадцать бился с ним, заставляя выпить ложку слез единорога. Зверь рычал, питекантроп тоже то рычал, то вопил, то упрашивал. Наконец порядком измятый Тарарах вышел из вольера и с победоносным видом сделал черенком ложки зарубку на стене.

– Уф! Еще двенадцать тысяч семьсот тридцать ложек, и он станет человеком! – с гордостью сообщил питекантроп.

– Двенадцать тысяч семьсот ложек – это нехило. Единорогам придется порыдаться как следует, – Валялкин задумчиво взглянул на медведя, который грыз желтыми зубами прутья.

Таня оценила упорство Тарараха, однако результат вызвал у нее сомнения.

– А стоит ли? Сколько я знала заколдованных принцев – все они были полный отстой. По-моему, как медведь он гораздо приятнее. И вообще, что хорошего в том, чтобы быть человеком?

Тарарах подбросил в костер пару поленьев потолще и опустил на солому рядом с огнем.

– Что-то мне не нравится, Танька, как ты рассуждаешь. Человеком быть плохо? Не хило сказано! Не иначе, как тебя что-то грызет. Да только есть одна штука – запомни ее до седьмого маразма! Что бы тебя ни грызло и как бы скверно все ни казалось, это еще не повод, чтобы не помогать другим и не любить людей.

– Я люблю людей. Просто некоторые меня здорово достают своим ослиным упрямством, – сказала Таня, выразительно посмотрев на Валялкина.

Ванька отвернулся и отошел к медвежьей клетке. Тане стало совестно. «Зачем я это брякнула? Ну зачем? Придумайте причину!» – подумала она уныло.

Тарарах вытянул к костру босые ступни и поскреб короткими пальцами затылок. Что-то явно его заботило. Таня давно знала привычки Тарараха: питекантроп соображал медленно, но верно и прочно. Объем же сведений, накопленных в его черепной коробке за минувшие тысячелетия, был просто колоссальным.

Внезапно, почти без перехода, Тарарах подскочил и хлопнул себя по лбу.

– Как же я забыл, дурья башка! С Гоярыном такое уже случалось раз! Все признаки! И беспокойство, и рев, и не узнавал никого! И тоже мы с Соловьем головы ломали!

– Когда это было, Тарарах? – спросил Ванька.

– Да уж давненько... Аккурат в год, как школа в Скаредо опустела. А теперь простите, ребяташки, но я вас выпроваживаю. Мне к Сарданапалу надо заглянуть, сказать ему кой-чего! – проговорил Тарарах.

– А что там было, в Скаредо? Или это тайна? – жадно спросил Ванька.

– Не то чтобы тайна... а... ну просто не говорят об этом, и все... Да и чего тут расскажешь? Никто ничего толком не знает. Была магическая школа, а потом раз – и нет ее. Вот и вся история, – уклончиво ответил питекантроп.

Он бесцеремонно выпроводил их за дверь и решительно закосолапил к лестнице атлантов.

– Разве кабинет Сарданапала в той стороне? Что-то Тарарах темнит. Не нравится мне это, – пробурчал Ванька.

Таня ощутила дразнящую дрожь опасности. И не только дрожь. Точно тающая ледяная мышь скользнула по ее позвоночнику. Это ощущение было особым. Его ни с чем нельзя было спутать.

– Скаредо... – повторила Таня, смутно припоминая, что видела сегодня за обедом у Склеповой книгу о магических школах. Это было странно, потому что прежде Гробыня не читала ничего, кроме журнальчиков, пособий по изменению внешности и самоучителей по охмурению.

– Ванька, ты давно был в библиотеке? – спросила она.

– Был давно, но дорогу примерно помню, – прищурившись, сказал Валялкин.

Он уже сообразил, что ему сегодня придется идти в библиотеку к Абдулле и скользить между полок, отыскивая малейшие упоминания о Скаредо. Из троих друзей – Тани, Ваньки и Ягуна – именно Ванька был самым удачливым в поисках. Он безошибочно отыскивал в море словесной руды – свитках, потертых фолиантах, пыльных подшивках магзет, многотомных собраниях без переплетов – крупницы информации, которые бывали нужны в той или иной ситуации.

– А вот такой ты мне нравишься, – одобрила Таня.

– Даже если я не буду поступать в магспирантуру? – уточнил Ванька.

– Дело твое. Все равно я скоро лечу в Магфорд! – с вызовом сказала Таня, решив, что подходящее время настало. Дольше скрывать бессмысленно. Или она скажет это сейчас Ваньке сама, или вечером со злорадной улыбочкой ему доложит это Зализина.

Ванька подался вперед. Он попытался скрыть огорчение, однако это у него получилось не лучше, чем у человека с шилом в ноге вышло бы сохранить такое в тайне.

Таня поняла, какой сильный козырь у нее в руках. Хочешь бросить учиться в Тибидохсе – прекрасно. Карты в руки! А она останется в Магфорде, и шлите письма с купидонами. Ваше здоровье, господин Валялкин! Кушайте кашку-с и не обляпайтесь!

Но она ошиблась.

– Летишь в Магфорд? Думаешь, я буду тебя умолять? Каждый попадает туда, куда стремится. Тебе нужен этот манерный пижон Пуппер, а мне мои звери. Значит, нам не по пути, – справившись с собой, сказал Ванька.

Он спокойно посмотрел на Таню, повернулся и ушел.

«Ну вот, – убито подумала она. – Стоило уйти Тарараху, и мы моментально поссорились».

Таня уже жалела, что затеяла этот разговор. Однако было уже поздно что-либо изменить.

* * *

Вернувшись к себе, Таня застала Пипу и Гробыню в комнате. Пипа деловито, как крот, рылась в чемоданах, отыскивая маечку пятьдесят второго размера,

которая смотрелась бы как сорок четвертый. Задача была непростая, однако Пипа не отчаивалась.

Гробыня с кисточкой и тенями для глаз прогуливалась вокруг Пажа, польщенного таким вниманием.

– У меня второй день насморк странный и горло дерет. Боюсь я, что вирусную любовь подхватила. Не иначе как Жикин расстарался. Он в последние дни часто рядом с Шурасиком тусовался. А Жорик – он коварный, гад. У него всякий поступок с двойным дном. Он если кошку гладит, значит, ему надо ладонь вытереть, – пожаловалась Гробыня.

– А что это за вирусная любовь? – невнимательно спросила Пипа.

– Ужасная мерзость. Хуже гриппа. Есть такое гадское заклинание из списка ста запрещенных, – пояснила Склепова.

– А как оно работает?

– Что за дилетантский вопрос, Пипенция? Как любой вирус. Кто-то произносит заклинание. Ты три дня чихаешь, как при обычном гриппе. Потом выходишь из комнаты и влюбляешься в первого встречного, хоть в Сарданапала, хоть в малютку Клоппика. Главное, подгадать момент... Ну и понятное дело, вирусная любовь жутко заразная. Чихнешь на кого-то, он еще на кого-то, и все – эпидемия. Все влюбляются во всех: лопухойды, маги, нежить, гномы, даже вампиры из Трансильвании... Пчхи! Что, Пипа, испугалась? Надейся теперь, что у меня обычный грипп, – заявила Гробыня.

– Это неизлечимо?

– Ну почему? Проходит дней за семь, если лечить, и за неделю без лечения. Правда, магического иммунитета хватает примерно на год. Потом запросто можно подцепить ту же бяку снова.

Гробыня отступила немного назад и задумчиво повертела в руках кисточку. Она только что закончила накладывать Пажу синеватые тени на глазницы.

– Вот теперь ты у меня хорошенький! Просто вылитая миледи Винтер! Еще чуть-чуть нарумяним скулы, и будет в самый раз, – сказала она.

Скелет Дырь Тонианно щелкнул зубами и заскрипел высохшими конечностями. Гробыня знала, чем его дразнить. На счастье Паж, Гробыне вскоре надоело это развлечение. Она увидела Таню.

– Ты чего такая кислая, Гроттерша? С Валялкиным поругалась? – спросила Гробыня. Она была наблюдательна, как шпион. Ухитрялась рассмотреть развязанный шнурок, даже если человек проходил от нее за сто метров.

– Не-а. С ним невозможно поругаться. Он моментально уходит после первой же пары фраз, – сказала Таня. Она была не прочь немного поворчать на Ваньку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/emec_dmitriy/tanya-grotter-i-kolodec-poseydona

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)